

Суси Валерий

Базар, вокзал, милиция

В другом городе, может быть, ничего бы и не вышло, но если в Риге соединить линиями эти три точки - базар, вокзал, милиция, то получился бы равнобедренный треугольник. С Бермудским ему не тягаться... Да и зачем? Какое мне дело до Бермудского треугольника? Пускай себе живет... или стечет в какую-нибудь дыру...

Подозреваю, что рижский треугольник существует только в моей голове. А раз так, то выходит, что я единственный кто знает его смысл...

Дело в том, что я прожил в нем сорок три года и мог бы считаться аборигеном, если бы не парочка глупейших на мой взгляд обстоятельств. К сожалению, лишь на мой взгляд...

Во-первых, я родился вне пределов треугольника. Кроме того - вне пределов Риги, а самое непоправимое - вне пределов Латвии. Родился я в Сибири.

Когда-то никому и в голову не могло прийти, что такая мелочишка способна влиять на судьбу. Да родись ты хоть в болоте... Какая разница?

Оказалось, что огромная и невероятная, а тот факт, что я начал с трех лет обживать треугольник, наоборот, оказался махоньким и незначительным как мелкая монета в кармане.

Но это первое обстоятельство могло бы сойти всего лишь за сломанную ступеньку или даже за раскуроченный лестничный марш, который все-же, изловчившись, можно было бы перемахнуть. Для этого, всего-то, нужно было родиться латышом. А я, как на грех, родился финном. Не догадалась моя мамочка выйти замуж за латыша... А в Сибири они водились, как известно, и спустя много лет, хоть и с боем (да, да, не удивляйтесь - с боем! латыши, выяснилось - самая принципиальная нация в мире) их стали допускать в родные пенаты и даже! не сразу правда - давать гражданство.

Вот это второе обстоятельство куда непоправимее первого. Можно стать евреем, если всей душой примешь заповеди Моисея; можно стать русским, если не разоблачит Макашов; можно стать американцем.

Стать латышом - это за пределами возможного. Латышом можно только родиться да и то, кое-кому, это еще требуется доказывать через суд. Не иначе.

Потому мои претензии на аборигентство в треугольнике имеют значение только для меня одного. Кому еще может быть важным, что там находилась моя школа, что там я впервые подрался, впервые поцеловался, впервые влюбился и впервые развелся? Так как я могу после этого сравнивать рижский треугольник с Бермудским? Вы меня понимаете?

Какое мне дело до Бермудского треугольника? В шестнадцать лет я мечтал быть рабочим. Пролетарии всех стран - соединяйтесь! Здорово! Выходить после смены в одной компании с потомками тех, кто в семнадцатом начал строить

"счастливую жизнь". А теперь стать одним из них. В школе я обожал историю. Вот в чем дело...

И я пошел на завод. Учеником токаря.

Шесть месяцев кряду, каждое утро мастер давал мне одно и то же задание: заточить резец с канавкой. В конце концов, затея превратилась в настоящее представление. Старые усатые токари бросали станки и собравшись полукругом изумленно раскрывали рты, поражаясь моей бестолковости. Десятки, сотни раз мне показывали как в замедленной съемке весь набор приемов, хватов, хитростей. Безрезультатно.

- Коля! Пойдем, посмотрим. Гляди, Андрей резец пошел точить.

Мужики выпадали в осадок.

-Давай, Андрей! Так его, падлу! Ты ему, главное, продохнуть не давай!

Я, конечно, злился, но пытался отшучиваться. Потом, отсмеявшись в своей клетушке степенно подходил мастер.

- Ну что ржете? Помогли бы лучше. А ну, марш по местам!

Через полгода, когда нужно было присваивать ученикам разряды мастер улучил момент и подловил меня одного.

- Знаешь, Андрюха, я тебе второй разряд дам. Пусть он как память будет в твоей трудовой книжке. Но дело это не твое. Точно. Я на заводе тридцать лет. Знаю, что говорю.

Спасибо, Иван Кузьмич! Я и сам вижу, что не мое это дело.

Теперь признаюсь, что иногда гордо заявлял:"Я тоже рабочим начинал. За токарным станком стоял". Стоять-то стоял... Это правда...

Я тоже рабочим начинал. За токарным станком стоял... Но кажется мой темперамент был не в состоянии слиться в едином порыве с бездушным станком.

Темпераментный человек - существо общественное. Если же к темпераменту добавляется ум, выдержка и чувство меры, особенно, в отношении спиртного, то можно не сомневаться - обладатель вышеперечисленных качеств обязательно добьется успеха в жизни.

Темперамент - единственное, что мне не изменяло никогда...

Не сумев "влииться в передовые ряды рабочего класса" за полным отсутствием "рабочей жилки", я не стал сильно расстраиваться и переключил свое внимание на гуманитарную сферу. По всему выходило, что именно здесь у меня наиболее предпочтительные шансы. Я складно говорил, грамотно писал и быстро находил общий язык с людьми. И уже не хотел вкалывать на заводе.

И спиртное не было помехой... Тогда оно лишь застенчиво переминалось с ноги на ногу перед входом в мою жизнь как нерадивый ученик возле дверей кабинета директора.

Марксисты были правы, когда говорили, что "бытие определяет сознание". Я жил в обществе, в котором люди стремились поменьше работать и побольше зарабатывать. У некоторых получалось. А почему бы не у меня?

Поэтому я не считаю, что попал в пожарную охрану и стал инспектором случайно, хоть на первый взгляд так все и выглядело. На самом-то деле вариантов было - "вагон и маленькая тележка", но выбор был сделан в эту сторону. Какая ж тут случайность?

Я не намерен доказывать, что все действовали по той же схеме. Нет. Все зависит ведь от индивидуальности. Для того, чтоб поступать так, как поступал я, надо было обладать способностью складно говорить, грамотно писать и уметь сблизиться с людьми. Последнее обстоятельство самое важное. Оно означает, что Вы человек гибкий и обладаете свойством приспосабливаться. Из таких людей получались комсомольские и партийные работники, разведчики, дипломаты, милиционеры, лекторы общества "Знание", знатные мошенники и элитные проститутки, спекулянты. У меня, например, был знакомый замполит с торгового судна, который спекулировал бельгийскими коврами, джинсами и тканями. Очень не бедный был человек! И при этом - идейный...

А кто приспосабливаться не умел, тот перевыполнял, если удавалось, норму на заводе или на фабрике и ненавидел "приспособленцев". Не брезгуя, однако, прикупить "с рук" какую-нибудь заграничную шмотку и уж вовсе не считая за преступление унести что-нибудь с родного завода. Было бы что...

Темперамент - единственное, что мне не изменяло никогда... Он же обеспечил меня язвой по крайней мере лет на двадцать раньше "нормативного срока".

Середина июля. Утречком, после завтрака я выхожу в госпитальный дворик и стараюсь держаться в тени, прогуливаюсь по аллее. Заработал язву, не успев дослужиться до офицерского звания. На мне новенький махровый халат. Когда симпатичная, еще не старая кастелянша попыталась всучить мне ободранное тряпье, в котором стыдно было бы появиться даже в бедняцком квартале Гарлема, я тут же включился и за пять минут так обработал ее, что она пошла на другой склад и притащила абсолютное новье. Это и есть способность "сблизиться с людьми".

Я иду, заложив руки за спину и жмурюсь как от фотовспышки, когда солнечному лучу все же удастся пробиться сквозь кроны деревьев. Навстречу, придерживая двумя руками живот, приближается майор Куликов из Главного Управления. Издалека кажется, что он тащит арбуз. Поравнялись. На майоре то самое тряпье, которое мне не подошло. Майору - в самый раз.

Гляжу я на тебя, Румянцев и думаю - быть тебе полковником! - говорит Куликов. Мужик он бесхитростный, простой, потому произносит все это без всякой зависти, но с восхищением.

Я смеюсь. Перспектива стать полковником мне и самому улыбается. А главное - эта перспектива не кажется недостижимой. Стать дипломатом - это, да! Это мечта не сбыточная. Я уже в том возрасте, когда такие вещи начинаешь понимать. В дипломаты - два пути. Или иметь родственника толкача или удачно жениться. Родственники мои, к несчастью, все из другой так сказать социальной среды, а жениться я уже успел и обзавелся тещей, которая за тридцать лет жизни в городе так и не избавилась от деревенского диалекта.

У меня оставался единственный путь - в полковники пожарной охраны.

Перспектива стать полковником мне и самому улыбается. Но...

Мою пожарную карьеру поломал капитан Криворотов. А я уже и в Университет поступил на юридический и в коллективе успел стать "своим парнем"... Еще бы лет двадцать сознательной службы и быть бы мне полковником. Ах, Криворотов, Криворотов...

Образованных в пожарной части в ту пору можно было встретить также редко как лошадей в большом городе. Предположим, я знал только одну лошадь. То есть я не был с ней лично знаком, но... Она принадлежала цыганской семье, жившей почти у городской черты.

В нашей части с высшим образованием был ее начальник - капитан Тимофеев. Не старый, из недавних выпускников. Он как-то очень часто впадал в гнев. Помоему, ему просто нравилось это состояние. Полноватое лицо и внушительная шея моментально окрашивались в пожарный (что символично!) цвет, словно, капитан приблизился до опасного расстояния к бушующему пламени и принял на себя его грозный отблеск.

Второго такого хама мне не удалось встретить потом ни разу (при всем разноцветии как в ботаническом саду).

Таня Горшенева, наш младший инспектор доходила до таких рыданий, что мы опасались за ее психику и держали наготове сильнодействующие успокоительные таблетки. Не помогло. Через два года она сошла с ума, а Тимофеев получил повышение по службе и перешел в Главное Управление.

В чем секрет памяти? Одни утверждают, что запоминается только добро. Мой знакомый рассказывал как-то об армейской службе. "Да", - говорит, - "Всякое бывало, но вспоминать хочется лишь смешное да веселое". Так вспоминается лишь смешное и веселое или хочется вспоминать лишь смешное и веселое?

Я не спросил. Не уточнил... Но, возможно, так оно и есть. Одним вспоминается исключительно добро, другим - зло. И если это так, то мне следовало бы сделать неутешительный для себя вывод. Добро должно вспоминаться добрыми людьми, а зло - злыми. Я, наверно, злой человек. Этот неприятный вывод слегка опровергает то обстоятельство, что если запустить руку в мешок моей памяти, то можно без труда нащупать массу забавных историй... Я мог бы, конечно, добавить в свое оправдание, что по-видимому разница на самом деле состоит в том, что одни не хотят вспоминать злое, а я - хочу!

Это ли не доказательство того, что я - злой? Злой так злой! Все - не дурак...

Я "отпахал" на Советский Союз двадцать с лишним лет и заметил, что чем выше начальник, тем просторней в его голове. Как в складе, из которого все вывезли, пол подмели, а стены вымыли. Расклад системы приблизительно такой. Сразу после революции, когда всех "умников" распахали частью по лагерям, частью пустили в расход, а остальных выкинули шоферами и посудомойками в Париж, пришли другие "умники", которым удалось слепить уникальный руководящий слой. Принцип отбора - поменьше образования и побольше хамства. Этот принцип просуществовал весь советский период. Другого объяснения такому скопищу начальников-дураков я не нахожу.

Человек - кузнец своего счастья... Человек - выше обстоятельств... Утверждаю - чужь собачья! Такая же, как проповеди Карнеги или как попытка научиться логически мыслить, зазубрив учебник по логике. Если в мозгах клопы загнездились или мыши завелись, то никакой Карнеги вместе с Сенекой не помогут. Безнадега!

В конечном итоге все сваливается в обстоятельства как грибы в корзинку. Для Наполеона такой корзинкой стал остров Эльба, для Александра Первого - крепостное крестьянство, для Николая Второго - самодержавие, для Ленина - мавзолей. Для Советского Союза - бездарность начальства, породившего бездарную систему. История - грибник со стажем. Все подметит, все подгробет и всему свое место определит. Породистый белый гриб (как Наполеон) в одну корзинку, а ложный... Оно и понятно...

Обстоятельства можно иногда использовать... и понимать, что ты их всего лишь используешь как взятый на прокат фрак...

Нас послали в район проинспектировать колхозы. Два капитана (один из них Криворотов) и я. Поселились в райцентровской гостинице. В одном номере. Вот, кстати, пример того, как обстоятельство влияет на судьбу. Если бы мы оказались в отдельных номерах, то Криворотов не смог бы поломать мою карьеру, а я возможно стал бы полковником пожарной охраны.

Утром разъехались в разные стороны. Мне выпало поехать в знаменитый колхоз "Тервете". Рижане хорошо знали вкус пива, которое здесь именно и производилось.

Целый день, клянусь, добросовестнейшим образом я совал нос во все углы. Сдержанный председатель колхоза покорно сопровождал меня и нисколько не возражал, когда наконец мы уселись в его кабинете, и я начал сочинять акт проверки. Желательно привезти в Ригу документ, смахивающий на приговор нарсуда. Но для этого нужно было бы поехать в другой колхоз. Здесь же на беду нарушений выявилось такое мизерное количество, что акт выглядел почти как благодарность.

Служебный "газик" ожидал возле пивного завода...

Воровать - так миллион! Спать - так с королевой! Я погорел на трех кружках пива... Смешно сказать - три кружки колхозного пива изменили всю мою жизнь.

Капитан Криворотов в трусах до колен и потной майке (в облике ничего рокового) сидел за столом и грыз куриную ногу. Второй капитан был уже в кровати. Я тоже решил укладываться спать.

Криворотов грыз куриную ногу и казалось, что это дело увлекло его целиком. Он ни на что не отвлекался.

А через день меня вызвал начальник Управления.

Как ты посмел напиться в служебной командировке? - орал он.

Я выпил всего пару кружек пива и то после работы, - наивно и чистосердечно признался я.

Ты позоришь наши ряды! Таким как ты - не место у нас!

И так далее и тому подобное. Одним словом, я понял, что полковником пожарной охраны мне не быть, а в лучшем случае мне светит остаться рядовым инспектором в ее славных рядах.

Замечу, между прочим, что пожарная часть располагалась прямо в моем "треугольнике". И вместе с базаром, вокзалом и милицией создавала специфический колорит геометрической фигуры.

Я, конечно, не буду оспаривать загадочность Бермудского треугольника... Но странные совпадения, так или иначе, отразившиеся на моей жизни происходили именно в моем треугольнике...

Еще бы лет двадцать сознательной службы и быть бы мне полковником. Ах, Криворотов, Криворотов...

С Олегом Архангельским мы учились в одной школе, но в параллельных классах. Олег, вопреки очевидной внешности боролся с общественным мнением по поводу своей национальности. И чем активней он сопротивлялся, тем неубедительней становилась его позиция. Это у него был "пунктик", так как во всем остальном он был не только наравне со всеми, но и превосходил многих своей соображалкой. Мыши там не водились... Это точно!

Что касается меня с моей собственной национальной запутанностью, то мне и дела не было до его "пятой" графы в паспорте... Да я и не уверен, что она там была. Я ж туда не заглядывал...

Так вот, после разговора с начальником Управления я слонялся по базару (напомню, что все это в пределах треугольника) и хоронил в душе полковничью должность. Наверно, соответствующее настроение было выписано на моей физиономии с такой же тщательностью как медвежата на картине Шишкина.

Ты чего такой смурной? Кошелек потерял? - Олег явно посмеивался.

А я обрадовался, что встретил однокашника. Хоть и не были мы близкими друзьями, а все равно с одной школы... Как родственники...

Слушай! Раз такое дело - давай к нам! - отреагировал он на мои излияния, - Так и быть, открою тебе один секрет.

И он как-то ловко сменил имидж. Только что стоял Олег Архангельский со своим "пунктиком" и вдруг в секунду он превратился в Пинкертона. Я как будто разглядел через его плащ и пиджак во внутреннем кармане соблазнительное красное удостоверение.

ОБХСС - это тебе не уголовный розыск! Это элитное подразделение, - гордо пояснял он, - Еще неизвестно возьмут ли тебя... Ты ведь кажется - финн?

Так наполовину, - оправдывался я. (Кто мог знать, что через двадцать лет мне придется доказывать собственное финское происхождение... Для того, чтоб уехать подальше от треугольника. Навсегда...)

А кто по второй половине? - дознавательно спросил Олег. Видно, он уже приобрел профессиональные навыки.

Да хрен его знает, - ответил я с ненужной искренностью, на которую сбиваюсь всю жизнь, - Я ж незаконнорожденный и отца своего не знаю.

Это, конечно, не в твою пользу, - справедливо заметил он, - Но зато плюсом зачтется учеба на юридическом да и твои спортивные успехи, думаю, могут сыграть какую-то роль.

Он имел ввиду мои успехи на ринге. Дрался я, действительно, неплохо и к тому времени был кандидатом в мастера спорта.

Я как будто разглядел через его плащ и пиджак во внутреннем кармане соблазнительное красное удостоверение.

Обстоятельства? Обстоятельства. Три года я отбарабанил опером в ОБХСС. Пришел туда человеком с рюкзачком за плечами, в котором можно еще было нащупать нежные мечты, мягкие, как детские игрушки, иллюзии и веру в справедливость. Ушел как Акакий Акакиевич, с которого сняли последнюю шинель.

Три года продолжалась шальная пьянка. Спиртное, когда-то переминающееся застенчиво в передней, ввалилось наглым субъектом, утратившим всякое представление о благоразумной мерке. Пили до сверхъестественной одури. Наверно, так случается с каждым, кто расстается с иллюзиями. Иллюзия - это самое счастливое человеческое заблуждение из всех других заблуждений

Начальник отделения, должность не очень высокая, потому на этой должности можно было встретить людей, у которых в мозгах шло какое-то шевеление. В нашем отделении шеф был в прошлом моряком. Душевный, между прочим, мужик. Довольно скоро он начал выделять меня (все из-за той же моей способности "сближаться" с людьми) и я оказался третьим... многозначительно третьим... в компании. Вторым был Янка. Породистый прибалт, детство которого прошло на безлюдном хуторе живописной Видземской возвышенности. Мне импонировало его сельское простодушие.

Каждое утро начиналось с оперативной летучки. Гриша Сазонов (шеф) просматривал план мероприятий на день и или утверждал его, или говорил: "Ты что решил сегодня выходной устроить? А ну, дописывай!" Совещания наши иногда затягивались на полчаса. Однако, если гришино утро начиналось с сосредоточенного движения челюстями, переминающимися мятную резинку, то это означало только одно - собрание продлится ровно минуту. За это время шеф успевал расписаться под планами восьмерых сотрудников, кося слезящимся глазом по тексту. Он спешил как спешат на поезд или в бомбоубежище во время воздушной тревоги.

Все свободны! Дрейманис и Румянцев останьтесь!

Сценарий повторялся с такой регулярностью, что половину последующих сцен мы с Янкой могли бы рассказать без запинки. Вторую часть представления предсказать не мог никто. Что касается финала, то у всех спектаклей он был один. Под утро я оказывался возле дверей собственной квартиры и ключом от сейфа пытался открыть замок. Выходила жена, и я падал в ее объятия как раненный боец. Или убитый.

Вы, наверно, не против похмелиться? - начинал Гриша. Кто ж станет разубеждать начальника в таком деле, если накануне Вы даже не притрагивались к спиртному? К тому же это означало бы, что мы отказываемся составить компанию шефу и нам, кроме того, не заманчиво провести веселый денек вместо того, чтоб долбать расхитителей государственного имущества в невзрачном кабинете. Количество расхитителей не уменьшалось. Наоборот, как будто росло, а праздник он и есть праздник. Какой дурак станет от него отказываться? Мы с Янкой не отказались ни разу.

Из Управления выходили по одному и встречались в условленном месте. Опера, все ж... Потом сматывались подальше от центра... И понеслось... В одном месте долго не задерживались и точки меняли словно это могло бы кого-то сбить со следа. Конспираторы... Нас вычислили бы в три секунды, если б такая задача ставилась. Достаточно было пустить "наружку" и все... Чтоб ее засечь мало быть трезвым. Надо не пить последние десять лет...

Однажды, уже хорошо нагруженные, ломались в кафеюшник и сильно возмущались, что нам никто не отворяет. То, что витрины были замазаны белой строительной краской, на это никто не обратил внимания. Тогда мы вытащили все имеющиеся при нас ключи и подобрали-таки нужный. Вошли. Кругом мусор, бумага на полу, ведра, щетки, козлы, стремянки. И ни одной живой души.

Официант, бутылку гони! Стною в камере! - грозил шеф.

Иллюзия - это самое счастливое человеческое заблуждение из всех других заблуждений. Но Московский район, где проходило мое воспитание - самое неудачное место для иллюзий. Как дрейфующая льдина для разведения кокосовых пальм.

Московский район - это для чиновников. Для нас - "форштат" или "москачка". Поскольку советское руководство планировало все на свете (от количества швейных иглонок до количества ракет на Кубе), то и "форштат" заселялся по какому-то послевоенному плану. Там, наверно, было все досконально продумано (постичь логику высших руководителей, увы, нам не дано), но вышло так, что образовалась в Риге независимая территория, вольное преступное сообщество. Отчаянные подростки военного времени возмужали и превратились в главарей банд.

Район имел свой цвет - преимущественно землистый (фасадная краска) и свой запах - сивушный от интенсивного самогонварения, которое по степени эффективности опережало темпы роста социалистической промышленности.

В небольшом скверике (мы называли его - "техас") при свете луны Коля-бульдозер наваливался скалистой спиной на скамейку, выжимая из нее писк и приступал к воровским новеллам на сочном блатном жаргоне. Его убойные кулаки вздувались как шаровары запорожцев.

Мои друзья уходили на зону монотонно, напоминая движение в очереди за колбасой. Только в той очереди триста грамм равнялись трем годам.

Однажды, спустя много лет я ехал на машине из Саратова в Уральск. Неожиданно шоссе закончилось. Я вышел и обескураженно стал разглядывать препятствие. Возвышенность, заваленная разнокалиберными камнями. "Видать, сбился с дороги" - подумал я. И тут увидел, как из-за глыб, переваливаясь с боку на бок, осторожно словно двигаясь по минному полю показался "пазик". Также невероятно как троллейбус на Эльбрусе.

Где дорога на Уральск? - обратился я к невозмутимому шоферу, казаху по наружности.

Так ты на ней стоишь! - подивился он моей недогадливости.

И что... до самого Уральска так?

Да нет. Километров двадцать всего.

К чему я это вспомнил? А к тому, что тогда, когда мои товарищи рассортировывались по зонам я, примерно, шел по такому же бездорожью. Только не знал, что впереди... Да и о расстоянии не имел никакого понятия. Пару раз, за драки конечно, устраивался в ту очередь... К счастью, "колбаса" успевала закончиться раньше и мне ничего не доставалось... Везло? Пожалуй... А могло и не повезти...

Во-во! И капитана Криворотова я бы не повстречал! Разве ж это было бы справедливо? И ментом бы не стал, а стал бы как раз их добычей. Зона никого не исправляла. Уходили туда глупые щенята, а возвращались молодые волки с острыми мордами и шалым блеском в глазах. И жить они могли уже только по волчьим законам.

Каждый второй, случись ему избежать решетки в семнадцать, превратился бы в нормального мужика. Для этого нужно было всего лишь не думать, что колония способна кому-то помочь. Не способна.

Треугольник не научил меня правильно и непринужденно пользоваться столовыми приборами, не приучил слушать классическую музыку, не приобщил к живописи и не способствовал развитию вежливых манер. Все это пришлось наверстывать потом и самому. Наверно, я с этим плохо справился, потому что так и не приобрел той интеллигентности, какую иной раз наблюдаю. Деликатные улыбки, которым не веришь; приятные слова, которые не трогают; интонации, которые фальшивят как расстроенный инструмент. Речь насыщена высокопарным слогом как беспризорный пес блохами. Такой интеллигент может возбудить любопытство в первые полчаса. Потом он превращается в губителя всего живого как кислотный дождь.

Однажды меня попытались научить манерам... Я жил непродолжительное время с женщиной, которая называла меня "пассия" и любила декламировать Блока, потому что была убеждена в собственном актерском таланте. Она работала массовиком-затейником и стихи читала как массовик-затейник - дурным визгливым голосом.

Мы вышли из поезда с двумя чемоданами и сумкой. Поставили их на каменную перонную поверхность и стали ждать носильщика. Тележку подкатил дохленький юноша непонятный в этой роли. Мне стало жаль его, и я нагнулся за чемоданами, чтоб не видеть как он будет надрываться. Культработник цепко перехватила мою руку и посмотрела на меня презрительно. "До чего же ты мужлан неотесанный", - прочитал я в ее глазах. И мне стало стыдно! И я отступил! И покраснел как будто!

Но, слава Богу, театр оказался непродолжительным... Интеллигентность - это природная естественность. Во всяком случае, без этого она как тело без души.

Я люблю людей, от которых распространяется человеческая щедрость произвольно, без всяких усилий, естественно как запах весеннего леса. Эта броская примета помогала мне всю жизнь выбирать друзей.

Когда стало известно, что одна моя повесть появится в престижном журнале я сообщил об этом своим знакомым.

Одним понадобилось три месяца, чтоб восстановить нормальный пульс и продолжить общение со мной. Другие перестали звонить вовсе. Самые умные задавали один и тот же вопрос: "Сколько тебе заплатят"? Друг друга они не знали, но спрашивали одинаковыми голосами и с одинаковым видом. С видом, который

демонстрировал полное пренебрежение к факту самой публикации словно речь шла о публикации в заводской многотиражке, а главным было денежное вознаграждение.

Позвонил коллега-журналист. Не звонил четыре месяца.

Ты слышал, какой в России финансовый кризис? Журналы лопаются как мыльные пузыри. Вот беда! Наверно, с твоей повестью ничего не получится..."

Надежда трепыхалась в его голосе как птичка в силке. Невелик, однако, выбор друзей... Да и знакомых...

Иллюзия - это самое счастливое человеческое заблуждение из всех других заблуждений. Когда я однажды прикинул на калькуляторе количество агентов в городе, учитывая на глазок и тех, кто состоял на связи в уголовном розыске да еще и в КГБ, то мои остававшиеся мечтания о порядочности скатились тихо как непроизвольная слеза на морозе.

Агентами оперативных служб становятся по принуждению. Или из любви к скромным суммам. Разговоры о сознательной помощи Родине - это для недоумков.

Отношения наши были цинично-меркантильными. Мне требовалась информация, а им небольшие суммы на пропой или какие-либо привилегии. Например, безнаказанно воровать.

Существовала четкая формула - пусть агент украдет на тысячу, но сообщит о хищении на десять тысяч; пусть украдет на десять - сообщит о ста и так далее. Система работала вовсю.

Для того, чтоб склонить человека к "добровольному сотрудничеству", иногда, прибегали к шантажу. Наиболее уязвимыми оказывались любители "оторваться" с хорошенькой женщиной. Можете удивляться, если хотите, но противников необременительного разврата надо было поискать... Нам, сыщикам это не удавалось.

Заму нашего отдела пришла в голову идея. Он на этот счет вообще был по-своему гениальным.

На одном крупном предприятии товар уходил "налево" с такой изобретательностью, что скоро не оставалось сомнений - комбинация придумана незаурядным "творческим коллективом" с применением какой-то новинки, какой-то изюминки.

Это была непреодолимая шарада, неподдающийся кроссворд. Все наши предположения и догадки улетали не в ту сторону как мяч последнего мазилы, не способного попасть с трех метров в пустые ворота.

Вот тогда зам и выдал идею.

Надо вербануть одного из этой компании, - сказал он, - И я уже прикинул кого и наметил план всей операции.

Задумка поразила даже наше воображение. Итак. Что нам предстояло? Объектом для шантажа зам выбрал главного инженера этого предприятия. Высокий лобастый мужчина лет тридцати пяти. Женат, есть дети. Во всем проявляет умеренность.

Не соблазнится он на нашу Галку, - уверенно объявил Гриша.

Не соблазнится? Еще как соблазнится! - завелся зам.

Галка женщина "от и до". Тут и спорить нечего! На любом конкурсе красоты могла бы претендовать на приз! Каждый раз, глядя на нее всплывали жгучие сцены из фильмов об Анжелике... Завербовали ее лет десять тому назад и была она в абсолютном доверии, так как за эти годы не раз делом доказала свою надежность.

Галка должна была познакомиться с нашим объектом. Детализировать этот момент не стали ввиду ничтожности его исполнения. Для Галки это, что два пальца... Проблемы виделись в дальнейших шагах. Дальше она должна была поводить его за нос пару недель, а потом обмолвиться о приближающемся "дне рождения". Инженер, разумеется, станет приглашать ее в ресторан. А Галка предложит оригинальный вариант - справить "день рождения" в "ее" загородном доме. Но чтоб все это не выглядело слишком откровенно, она скажет, что будет еще несколько друзей. В качестве "друга" наметили кандидатуру агента Бориса. Я теперь использую не настоящие имена и не рабочие псевдонимы, а придуманные. Не это важно, не правда ли?

Борис был агентом наполовину. Он был оформлен по всем правилам. С него была взята подписка о добровольном сотрудничестве. У него имелся псевдоним. И все же он был липовым агентом. На самом деле Борис был приятелем нашего сотрудника и привлечен к делу с единственной целью - возможностью списывать на него нецелевые расходы. Кое-что перепало и ему, конечно. Надежность его не подвергалась сомнению и потому он был посвящен во все подробности предстоящего дела. Кроме того, ему поручили подобрать спутницу, подходящую для такого дела. Подразумевалось, естественно, что это будет дамочка без комплексов.

Хорошо бы, чтоб весь ваш бардак закончился пьяной групповухой, - наставлял главный стратег отдела.

Само собой, что всю эту оргию следовало заснять предварительно установленной аппаратурой.

И тогда инженеру крышка! - подвел итог зам.

Самое простое в этом деле - найти загородный дом и напичкать его техникой из НТО (научно-технический отдел). Вдруг выяснилось, что автомобильные права есть только у инженера. Не хватало, чтоб он был за рулем, а следовательно - не пил, тогда как стояла совершенно противоположная задача. Инженер должен хлестать так, чтоб его несло на приключения подобно Дон-Жуану.

Ты поедешь с ними, Румянцев, - решил проблему зам и ткнул в меня длинным пальцем, - Будешь за шофера. А заодно возьмешь дело под свой контроль.

Можете удивляться, если хотите, но противников необременительного разврата надо было поискать... Все шло по плану...

Была редкая для Латвии зима. Сухой как порох снег взлетал от малейшего прикосновения и медленно кружил над дорогой.

Я вел машину сосредоточенно. Еще при выезде из города почувствовал, что этот симпатичный снежок скрывает под собой беспощадную наледь. При такой погоде надо забыть о педали тормоза... Иначе придется станцевать вальс, когда не Вы, а Вас

раскручивают по паркету с такой неистовостью, что уже не разобрать - где низ, где верх...

Мои пассажиры не обращали внимания на дорогу и на меня заодно. Кто я для них? Водила, которому заплатили.

Компания настроилась гульнуть по полной программе. Вот это состояние предстоящего "бардачка" возможно даже занимательней, чем сам "бардачок". Еще есть надежда, что выпьешь в меру, что веселье будет остроумным, что постель окажется сказочной, что наутро тебя не будет выворачивать и не придется сутулиться, протягивая дрожащие пальцы к похмельной рюмочке.

Галка и инженер говорили громко и громко смеялись. Прямо за моей спиной. Борис уселся впереди, а свою подружку пристроил на заднем сиденье.

Это радостное захлебывание вливалось в уши как пикивание скрипки в руках новичка. Все, конечно, шло по плану и чем больше народ будет распалиться, тем лучше. Все так. Но я то был при исполнении... И весь этот гудеж, что праздник в чужом доме.

Борис вопреки инструкциям был мрачноват. Долговязая шея выглядела неустойчиво будто из подшипника, на котором она крепилась повылетало несколько шарниров. Брови криво съехались, норовя столкнуться как два автомобиля под управлением нетрезвых водителей. Мне это не понравилось. С чего бы? Багажник "Жигулей" был набит деликатесами, экспортной водкой и чешским пивом. Разумеется, за счет "заведения". Халява! Я, пожалуй, оттого и раздражался, что такая халява и мимо носа. Потому поведение Бориса мне не нравилось. Потому что было оно не ко времени и потому что оно было непонятным.

Дом, где предстояло упиться и "перетрахаться" желательно с полным безрассудством, находился в пятидесяти километрах от Риги. Накануне я там побывал и пристроил технику. Совсем с виду нелюбопытный зеленый глазок, появившийся на радиоприемнике безобидно упирался в сторону постельного "станка".

Может тормознем возле "Сените"? Попьем кофейку и дальше? - подал голос Борис, до того не вымолвивший ни слова. Он полуобернулся и передал свой вопрос точно в руки как бутылку пива. Мимо меня. Так что мне пришлось сделать безразличный вид. Мол, хозяин - барин, а мое дело - крути баранку.

"Сените" в переводе с латышского - грибок. Исключительно приятное местечко. Ресторанчик и правда был выполнен в виде пузатенького боровичка.

Отличная мысль! - поддержал инженер.

Почему бы нет? - подхватила Галка.

И я послушно зарулил на стоянку. Мнение Борькиной подружки уже не имело значения. Она, кстати, тоже как будто была "не в форме". Словно они с Борькой вылупились из одного гнезда. Сходство я заметил только что, и оно мне показалось подозрительным.

Бутылочку коньяка, пожалуйста, - сказал Борис официанту, - И кофе, - добавил он, но уже без того интереса.

"Так, так. Взял инициативу в свои руки... Даже из приличия никого не спросил насчет коньяка..."

Поспешность, с какой он разливал коньячок и поразительная неточность глаза, которая при этом обнаружилась расставила все по местам. Однако, при всем сбое глазомера он ловко попадал в собственную рюмку, после чего вопрос: "А не обделил ли я сам себя?" был бы излишним.

"Вот оно что! Алкаш проклятый!" - разозлился я, - "Ты, кажется, перепутал задачу и явно не туда переливаешь". Но что я мог поделаться?

Борькина подружка заглатывала коньяк с ненасытностью жадного птенца. Ее противные губки и не думали морщиться.

Буылки с коньяком перемахивали через наш стол как десантники через учебную преграду. Народ дурел остервенело словно накануне конца света. Я попытался миганием глаза отсемафорить Галке красный свет, но наверно у меня какой-то не такой глаз. Галка подмигнула мне в ответ и отправила очередную порцию коньяка по назначению.

Спустя час я отвалакивал "членов ударной группы" поочередно в машину. Инженер, согнувшийся как после удара в солнечное сплетение, тем не менее помогал мне. Помогал он и потом, когда мы приехали на место.

Борис казался невменяемым, но уже мог двигаться самостоятельно. Первым делом он ухватил ящик с водкой и пивом и, приплясывая как медведь в цирке, потащил добро в дом. Женщины и закуска его не волновали.

А инженер, наверно, был человеком ответственным. Он принимал нелепые позы, иногда упираясь руками в пушистый снег, иногда тыкаясь в него головой и отфыркиваясь потом как будто выныривал из воды. Но упрямо пытался помогать, роняя красавицу Галку на чистый снег словно на простынь.

"Все ты мужик правильно делаешь, но не там", - подумал я. Частое полоскание в снегу, однако привело надежную агентессу в чувство. И в дом она вошла на собственных ногах, хоть ноги напоминали скорей ходули. Борькину "пассию" я принес на руках как невесту.

Борис обнимал инженера, отпивая водяру прямо из горла и щедро протягивая бутылку новому другу. Тот покорно соглашался и вливал в себя, впрочем, без азарта "европейские" порции.

Ты отличный мужик, инженер! Отличный! - Борис уперся лбом в плечо нашего фигуранта, - А мы все тут собрались, чтоб тебя прижучить! Чтоб загнать тебя в угол! Ты думаешь это - шофер? - он нагло ткнул в меня пальцем, - Так ты думаешь, он за квартал катает нас? Ха-ха! Он - мент! И ему нужен - ты! Вот так-то! А ты мне нравишься, и я не хочу, чтоб они все, - он нарисовал воздушный эллипс, - чтоб они все - глумились над тобой! И эта твоя стерва - тоже!

Инженер посмотрел на меня и спросил:

А ты кто по званию?

Да что ты его слушаешь? - я был готов пристрелить Бориса, - какой я мент? Ты посмотри на меня внимательно. Я похож на мента?

Инженер встал, подошел ко мне вплотную и стал вглядываться в мое лицо как в старую фотокарточку.

Похож! - заключил он, - Да какая разница? Мент тоже человек и тоже хочет выпить. Правильно?

Если кент оказался мент, - запел Борис на манер Высоцкого - "Если друг оказался вдруг".

Садись, полковник, - пригласил инженер.

Все летело к черту! Вся разработка! Уже было не важно - смогу ли я убедить инженера в том, что всего лишь "шофер" или не смогу. Он был пьян и пьян здорово, но соображалка у него не отключалась. Ментовский мотив засел в его голове как дурная пуля, которую без сложнейшей операции не удалить.

Лицо Галки стало похожим на абстрактную картину. Тушь расплзлась причудливыми фигурами. Она как будто прислушивалась к нашим словам, но было не ясно - доходит ли до нее смысл?

И вдруг мне сделалось смешно. Так смешно, что я начал посмеиваться... Сначала пытаюсь сдерживаться. Но чем больше для этого требовалось усилий, тем сильнее меня распирало. В конце концов я заржал как клоун на арене цирка. Только что из глаз не стреляли две упругие струи...

Наливай, инженер. Не из горла же... - выдавил я сквозь смех. "Да пропадай все пропадом! Раз пошла такая пьянка - режь последний огурец! Сейчас мы хапнем и я его прямо тут и расколю. А что еще остается делать?"

Борька затих, откинувшись в старинном плетеном кресле словно притомившийся дачник. Соломенной шляпы не хватало... Его подружка дрыхла на тахте. А Галка сидела с нами за столом, но к спиртному не притрагивалась. Пили мы вдвоем с инженером. Правда, я - по полной (рюмки все-таки извлекли на свет Божий), а он - по глоточку.

Халтуришь инженер! - попытался я его подстегнуть.

Дай передохнуть, полковник! Не то вырублюсь. С кем тогда пить будешь?

Да не полковник я...

А похож...

Какой полковник? Лейтенант он, - равнодушно сказала Галка.

А ты? - поинтересовался инженер тут же.

Какая разница? Может и полковник...

Обложили, однако... Со всех сторон...

Примерно, через час картина выглядела также. Все оставались в тех же позах. Единственное изменение внесла Галка. Выждав с полчаса, она присоединилась к нам, но пила осторожно, небольшими глоточками. Мы с инженером щупали друг друга почти в открытую и продвигались к цели. Каждый к своей. Мне не терпелось расколоть его и выудить изюминку в системе хищений. Ему не терпелось внушить мне, что он - честный парень.

Да нам в принципе все известно, - блефовал я.

Тогда какого черта мы притащились сюда?

Не дурак он был, этот инженер. Не дурак.

Скоро Вашей компании кранты... Кое-какие мелочи не мешало бы уточнить... Решили выдернуть одного из вас из дела. Ты помогаешь нам сейчас, а мы тебе поможем чуть позже. Или тебе в тюрьму охота?

Чудак ты, полковник! - он никак не хотел понижать меня в звании. Его бы начальником кадров Министерства, так с его легкой руки стал бы я полковником милиции. Чем хуже пожарного полковника? - Кто ж в тюрьму хочет? Ну что мне - сочинить что-нибудь специально для тебя?

А сочини, - согласился я. Может он решил в такой игривой форме подарочек мне сделать?

Так хоть подскажи - в каком направлении сочинять?

Да ты Ваньку-то не валяй! Понятно же, что речь о полистироле идет.

Ах, об этом! Так тут все просто. Заезжает на склад фура, загружается и вперед.

Но ведь со всеми документами? С накладными и прочее?

Конечно.

А что потом?

А что? Ничего.

Тогда давай выпьем!

Давай!

Время топталось на месте точно также как мы с инженером в нашем движении к цели. Пошел снег. Он возникал из темноты и скользил по оконному стеклу словно стараясь просочиться внутрь. "Провалил я дело окончательно и бесповоротно. А мне еще доверили общее руководство".

Будет кто-нибудь в конце концов любить меня или нет? Спать я могла бы и дома.

С тахты на нас глядела ненасытная мордашка Борькиной подружки. Честно говоря, вместо "любить" она употребила другой термин. Тот, который имеет единственное значение и таким образом сокращает расстояние от произнесенного слова до смысла как прямая между двумя точками.

Тебя как звать, дурочка? - спросила Галка.

Наталья.

Так буди своего грозного е.....я, Наталья и принимайтесь за дело!

Борькина подружка двигалась как пушинка на сквозняке. Тем не менее попутный ветерок вынес ее прямо на любовника. Может она всегда так будит спящих, но в тот раз она без раздумий размахнулась и въехала Борьке по физиономии. Оказалось, что способ результативный. Борька проснулся.

Что за? - последовал сплошной непечатный текст.

Ты собираешься меня любить? - (на самом деле тот же термин).

Я пьяница, а не е...ь! - почти гордо объявил Борька и в доказательство поднялся, подошел к столу, плеснул в рюмку водку и проглотил ее со страстью. Это была та самая страсть, которую пыталась поймать Наталья с той же безуспешностью, с какой можно пытаться догнать зайца.

Сквознячок подогнал ее к столу и опустил на стул. Все только начиналось.

"Хорошо бы, чтоб весь ваш бардак закончился пьяной групповухой" - вспомнил я напутствие шефа.

Удивительно то, что это пожелание руководства мы исполнили с точностью, как исполняли приказы солдаты вермахта. И с таким же цинизмом.

Водка эффектно устранила все наши разногласия. Водка вполне может заменить парочку дипломатов и скорее привести к согласию, чем нудные и бестолковые переговоры за круглым столом.

А утром... Нездоровая зимняя бледность висела за окном и отражалась на наших лицах, делая нас похожими на пациентов туберкулезного диспансера.

- Состояние предстоящего "бардачка" занимательней, чем сам "бардачок". Еще есть надежда, что выпьешь в меру, что веселье будет остроумным, что постель окажется сказочной, что наутро тебя не будет выворачивать и не придется сутулиться, протягивая дрожащие пальцы к похмельной рюмочке, - сказал я, припомнив вчерашние мысли и сутулясь, протянул дрожащую руку к бутылке.

Э-э! Тебе нельзя! - остановил меня инженер, - Ты за рулем! А мне можно, - он выбрался из ложбинки, которую образовали Галка с одной стороны и Наталья - с другой. Возле стены спал Борис.

Заботливый ты, инженер, - пробурчал я, но руку вернул на место словно вложил шпагу в ножны.

Что ты заладил - инженер, инженер! Это вчера я для тебя инженером был, а теперь, можно сказать, мы - братья!

Тогда чего ты бубнишь одно и то же - полковник, полковник?

Хорошо, не буду, полковник.

Андреем меня зовут.

Оскар.

Надо сказать, держался он после ночной оргии неплохо и из всей компании "туберкулезников" больше всех напоминал выздоравливающего. Элегантно опрокинул соточку и весело посмотрел на меня.

Плохо дело, Андрей?

Да уж... Ничего хорошего...

А ты помнишь, как мы с тобой фотографировали ночью вон из той штуковины? - навел он указательный палец точно на "зеленый глаз".

Кого? - ужаснулся я.

Сначала Борьку с двумя этими красавицами... А потом тебе самому захотелось попозировать... Короче, там на пленке есть все, кроме меня...

Если ты мне брат, так налей соточку, - мне опять становилось смешно.

Смотри..., - он подлил мне в рюмку.

Насчет пленки я не беспокоился. Засвечу и дело с концом... Как мне доложить о самой операции... Вот это вопрос! Оскар мне нравился. Умный, спокойный, доброжелательный. Смотрит на все как бы со стороны. Между прочим, он "помог" мне позже, когда я писал дипломную работу. Тема - "Тактика допроса". Так вот, я сделал в этой работе неожиданный вывод. Подразумевалось, что обвиняемый всегда на ступеньку ниже по интеллекту, чем следователь. Укреплению этого стереотипа способствовал бесправный статус привлеченного к уголовной ответственности и советское кино. Книжки тоже. Мой вывод разрушал стереотип и доказывал, что иногда возникает противоположная ситуация. Несмотря на всю очевидность утверждения, для того времени оно было смелым и были опасения, что оно подвергнется обструкции. На мое счастье в Университете оказались преподаватели, которым эта мысль понравилась. Поставили пятерку.

Мы стукнулись рюмками и выпили как друзья. Оскар оглядел спящих.

Полистирол приходит к нам с завода-изготовителя. Какая-то партия оформляется как брак и идет возвратом. Со всеми документами, конечно. На завод приходит пустая машина, а принимают ее как груженую браком. Есть там люди... Вот и все. А на заводе полистирол течет полноводной рекой, не учтешь...

Это была самая блестящая моя операция. Вся наша "боевая группа" была отмечена руководством отдела. А о Борьке я рассказываю впервые...

- Берите пример с Румянцева! - любил повторять после того шеф.

Инженер встал, подошел ко мне вплотную и стал вглядываться в мое лицо как в старую фотокарточку. Неужели и пять-шесть лет тому назад моя физиономия смахивала на ментовскую?

В самом центре треугольника находился примитивный скверик. Ни экзотических клумб, ни липовых аллей, ни изумрудных вод заросшего канала, ни морщинистых деревьев. Самый незатейливый фонтанчик, родничок бы какой-нибудь и скверик задышал... Но ничего такого не было. Каменные плиты, пара газонов с недокормленной травой и семь подкошенных скамеек.

В Риге есть прекрасные парки со всеми теми восхитительными деталями, о которых я только что упомянул и куда шли специально, чтоб понаслаждаться природой. Сюда же намеренно не шли. Здесь присаживались на минутку перевести дух и разложить поудобней базарные покупки.

Я всю жизнь ходил в этот скверик намеренно. Кажется, все свои свиданья я назначал именно там. Там же мог просидеть со своим закадычным другом Сашкой с обеда до сумерков. А сколько там произошло случайных знакомств! Вопреки гнусавой рекомендации медиков: "Остерегайтесь случайных связей"! Полнейшее непонимание значения экспромта в жизни. Говорят, что лучший экспромт тот, который заранее подготовлен. Пусть говорят. Но вся моя жизнь доказывает обратное и не будь в ней экспромтов, я бы не вспоминал прошлое с таким удовольствием, с каким это часто делаю теперь.

Экспромт - это подарок для человека, в котором авантюризм не теряется среди других качеств как родинка под мышкой. Нет! Это, если хотите, как сверкающий орденом Красной Звезды прыщ на кончике носа.

Бандитско-воровская романтика улетучивалась одновременно с романтизмом героев Джека Лондона, Майн Рида и Фенимора Купера. Кому-то может показаться странной подобная аналогия. Мне же она кажется естественной, потому что все эти характеры объединены одним - природным авантюризмом.

Очень трудно быть законопослушным авантюристом. Таким людям требуются экстремальные условия. Если их нет, то они их сами изобретают. Все легендарные герои - авантюристы. И не один не избежал бы колонии строгого режима, если б жил в Советском Союзе.

Мой авантюризм, к счастью, больше напоминал неброскую мушку где-то возле уха, а потому экспромты-подарки не всегда благодарно принимались. Частенько "внутренний голос" нашептывал: "А вот этого делать не надо".

Всегда поступайте так, как Вам подсказывает таинственное существо, неуловимо передвигающееся по Вашим кровеносным сосудам как по коридорам собственной квартиры со "служебным кабинетом" в левом полушарии головного мозга. А может в правом... Этого никто не знает.

В семидесятые годы я не знал и сотой части исторической правды о стране, в которой жил. Окружение мое к тому времени основательно изменилось. Словно я выкопал старый досчатый забор и вместо него установил художественную ограду из чугунных прутьев. Студенческая молодежь...

В треугольнике, на той самой скамье, на том самом месте, где недавно любил развалиться Коля-бульдозер сидел Женя Воскобойник и читал стихи Евтушенко. Одно было про нас, про студентов... Наизусть теперь уж не помню... Но запомнилось настроение и слова - "непокорные головы".

Непокорные? Да как сказать... Непокорные как перепутанная рыбацкая сеть...

Я бы вступил в партию и сделал партийную карьеру с одной-единственной целью - оказаться на очередном съезде партии. Вышел бы на трибуну и сказал все, что думаю о Брежневе, о Политбюро, о партийных организациях на местах. А потом пусть меня хоть расстреляют.

Кто принес эти слова? Возможно я, возможно кто-то из моих друзей. Не важно. Важно то, что мы все примерно так думали. Мы были уверены, что во всем виновата партийная элита, извратившая идеи величайшего гуманиста Ленина. И еще важно то, что мы об этом только и могли, что порассуждать...

По рукам осторожно прошелестела страничками будто пугливая птица крыльями - "Собачье сердце". Недопонятая, недооцененная, недосыгаемая...

Физик Сахаров призывает к ядерной войне. Об этом я прочитал в центральной газете. Кажется, в "Комсомольской правде". Он что - слабоумный? Или бессмертный? Смелого пуля не берет, а отчаянного физика не берет водородная бомба? У него нет семьи, нет детей, родственников, друзей? Он кто - камикадзе?

Солженицин... Мы понимали, что правда на его стороне. "Один день Ивана Денисовича" нельзя было взять в библиотеке, но всегда находился кто-то, кто через

кого-то, а тот еще через кого-то, полутайно, без демонстрации выискивал потрепанный экземпляр повести.

Ох, уж эти кухонные разговоры... И разговоры о кухонных разговорах... Были они, были... Наш скверик в треугольнике - та же кухня.

А может придумать какую-нибудь награду для тех, кто проявлял отвагу на кухне? Какой-нибудь знак почета или персональную пенсию? Или увековечить в скульптуре? Тесная кухонька и гордо вскинутые головы. Непокорные... непокоренные...

Где-то какие-то чудаки выходили с протестами, ненормальные, конечно... Их отправляли в психушки, еще куда-то...

В центре Риги молодой еврей-отказник облил себя бензином и поджег. Курсанты из "мореходки" швырнули его в городской канал, а потом отделали... Никто не вмешивался.

Я до сих пор не в состоянии понять - как при таком народе мог развалиться Советский Союз? Думаю, однако, что народ тут не причем... Все это больше напоминает аварийное здание, начавшееся разрушаться вдруг, среди ночи и напугавшее всех. Растерянные и полуголые люди толпятся неуютно во дворе... И не расходятся до сих пор...

Человеку требуются сносные жилищные условия, сносная зарплата и сносная наполненность прилавков. Свобода человеку требуется в той мере, в какой она способна обеспечить эти условия. За исключением небольшой горстки фантазеров...

У меня была вполне сносная квартира, вполне сносная зарплата и, кроме того, я имел привилегию отовариваться в спецмагазине. Прямая дорога в "совки"...

В Риге есть прекрасные парки... и два магазина похоронных принадлежностей. Агентура сообщала, что гробы бессовестно уходят налево и у покойников имеются проблемы..

Левый товар - самое распространенное и самое типичное преступление для социалистической экономики, напрочь игнорирующей личную заинтересованность работника.

Потому я не воспринимаю всерьез разговоры о рыночной экономики в сегодняшней России. Потому что и сегодня там выгодно толкать левый товар... Когда станет выгодней поступать честно, тогда только и возможно будет говорить, что в России начались реформы. А покуда болтовня все это ...

Мало знать, что где-то кто-то гонит левый товар. Необходимо собрать столько улик и доказательств, задокументировать их, чтоб дело не посыпалось от первого же прикосновения ловких рук адвоката в суде. С этой целью подбирались "клиенты" или "покупатели", а приобретенный товар свозился куда-нибудь на хранение. В нужное время он становился вещественным доказательством. Хорошо, однако, когда товар не имел таких габаритов как гробы. Где их хранить?

В нашем отделении работал исключительно полезный кадр. Звали его Валдис. Это был незаменимый сотрудник и мы все дорожили им в высшей степени, так как постоянно прибегали к его услугам.

Дело в том, что рост Валдиса превышал двухметровую планку, а вес моментально пробуждал воображение и переносил в мир сказочных богатырей. В его присутствии любой ощущал себя недоношенным. О том, что он добродушен и безобиден знали только мы - его коллеги.

Архангельский был прав, когда говорил, что ОБХСС элитное подразделение. В уголовном розыске, например, мордобой был также обычен как утренний обход врача в больнице. Разумеется и контингент там сильно отличался от нашего. Один головорез на допросе вытащил член величиной с гремучую змею и положил его на стол оперу...

К нам же попадали люди воспитанные, с хорошими манерами, с хорошим образованием, с хорошими мозгами. Они правильно относились к фразе: "Признание облегчает наказание" и никогда не признавались сразу. Некоторые не признавались и потом, даже после обвинительного приговора.

По закону трое суток или семьдесят два часа подозреваемого можно было содержать в КПЗ (камера предварительного заключения позже переименованная на изолятор временного содержания). Потом выкладываешь все материалы прокурору на стол и начинается "торговля".

Не дам санкцию на арест! Доказательств мало!

А это? А вот это?

Не то! Все это слабо! Продолжайте работать!

С прокурором не спорят. Прокурору робко возражают. Но если было признание подозреваемого, то и не возникало ненужных объяснений. Санкция на арест подписывалась без всякой волокиты и "клиент" спокойненько переправлялся в следственный изолятор.

И вот, когда истекал этот пограничный семьдесят второй час, а упорный Ваш визави продолжал смотреть как "святой мученик", вот тогда и приглашался Валдис.

Валдис! Зайдите, пожалуйста! Тут для Вас работа! - произносилось в телефонную трубку с нотками некоторого сожаленья. Мол, не хотелось бы прибегать к крайним мерам... Но что же делать?

Ваш визави тут же напрягся. К чему это все? Куда это клонит опер? Дверь кабинета отлетала в сторону словно под ударом шквального ветра и на пороге возникала нечеловеческая фигура Валдиса. Рыжеватые волосы на его кулаках щетинились как загривок цепного пса. При этом он ухмылялся подлейшим образом. Медленно как дрейфующий айсберг приближался к подозреваемому и молча останавливался в полуметре. Так он стоял минут десять. Но частенько уже на второй минуте несчастный просил бумагу и ручку и катал, не останавливаясь, чистосердечное признание. Натуральный психологический нажим!

Не очень гуманно, согласен! И не вполне по закону. Просто это не повод для того, чтоб приукрашивать. Так было и это была стандартная норма по всей стране. Там где не было Валдисов, в камеру к подозреваемому подсаживали мордovorота...

Гуманизм - понятие качественное. Советский гуманизм был именно такого качества.

Валдис предложил свозить гробы на дачу родителей. Дело было зимой, дача находилась на приличном расстоянии от города и добираться туда было не просто. Легко попадать на Рижское взморье - двадцать минут электричкой и ты на месте. Тут же нужно было ехать совсем в другую сторону на одном из автобусов из тех, что ходят два раза в сутки - раз утром и раз вечером.

Так ты уверен, что твои старики не нагрянут на дачу? - переспрашивал Гриша. Переспрашивал для порядка больше, радуясь тому, что подвернулось подходящее решение.

Не припомню, чтоб когда-нибудь они ездили на дачу зимой. Уверен!

Гриша, понятно, опасался не того, что родители Валдиса по чистой случайности могут раскрыть секретную разработку. Опасение состояло в том, что невозможно было угадать реакцию пожилых людей при виде трех-четырех десятков гробов на собственной даче. Не тривиальная картина...

Гарантирована в нашей жизни только смерть. Про рай или про ад так уже сказать нельзя. Все остальное условно-незастрахованное...

Дачная веранда заставилась гробами как раз под рост Валдиса. Гробы, кстати, на любой вкус - белые, черные, под красное дерево. Разве что зеленых не было и то лишь потому, что таких не изготавливали. Еще с десятков гробиков уложили аккуратненько в просторной гостиной. Был я там, видел... Зрелище, доложу Вам еще то... Не музей изящных искусств... Помню посмотрел я печальным взглядом на все это как потенциальный заказчик и пропел для бодрости:" А на кладбище все спокойненько, ни врагов ни друзей ни видать, все культурненько, все пристойненько - исключительная благодать".

Родители Валдиса приехали на дачу. Естественно! Никогда вот зимой не ездили, а тут решили...

Честно говоря - не смешно. Что смешного в том, что два старых больных человека, ломая кусты, издавая безумные вопли, теряя головные уборы бежали с дачи и выскочив на шоссе испугали своим видом шофера грузовика, чудом сумевшего затормозить и сэкономившего таким образом пару изделий с нашего мрачного склада?

В камеру к подозреваемому подсаживали мордворота... Впрочем, не обязательно ради физического воздействия или устрашения. Были агенты-камерники - специалисты поговорить "за жизнь". Они вполне могли бы состояться как артисты разговорного жанра, а если бы не были столь циничны, то могли бы попытаться счастья и в качестве церковнослужителей. Во всяком случае известно достоверно, что некоторые, приплутавшие в камеру души, исповедовались им с не меньшей страстью, чем какой-нибудь грешник-любостяжатель священнику. Эта категория агентов вызывала омерзение у всех... Какие еще может вызывать чувства провокатор? Но он был узаконен системой и специальными приказами МВД с грифом "Совершенно секретно", а потому ты обязан был с ним говорить, давать задания и принимать от него сообщения. Ты не обязан был здороваться с ним за руку. И действительно, я ни разу не видел, чтоб кто-нибудь из сотрудников подавал руку агенту-камернику.

С нормальными агентами, избегающими казенных учреждений складывались совсем другие отношения. Теми же приказами МВД, кстати, были запрещены

строжайше встречи с агентурой в служебном кабинете. Исключительно на конспиративных квартирах. Каждый сотрудник обязан был сам позаботиться об этом, разыскать такую квартиру, договориться с хозяином, оформить его как содержателя конспиративной квартиры и вот там только и проводить встречи со своими "добровольными" помощниками. Эти же приказы регламентировали этику взаимоотношений с агентурой, которые на взгляд разработчиков должны были устанавливать приличную дистанцию между нами, никак не выходящую за рамки сугубо деловых отношений. В этой механической заданности кроется вся слабость любых приказов, правил и инструкций. Нельзя, невозможно уложить жизнь в рамки как невозможно уложить кирпич в футляр для очков.

Агент "Отто" достался мне по наследству вместе с остальными. Передавал их мне на связь старый опер, к которому все обращались - Савватеич, уже уволенный на пенсию, но являвшийся на службу регулярно как и прежде по просьбе руководства отдела. Он должен был передать не только агентуру молодому сотруднику, но и свой бесценный опыт.

Старик он был неразговорчивый, невозмутимый и держал себя с ветеранским достоинством.

Значит, так! - он вытащил из сейфа и сложил стопкой папки с личными делами агентов, - Мне надо передать тебе на связь всех этих гондонов. Семнадцать всего. Передам я тебе половину.

В этом месте Савватеич умолк, вытащил пачку "Примы", грубо надорванную словно это были штаны, наказанные колючей проволокой и закурил. Он вручил мне паузу как шахматный ход и мне следовало задать вопрос - "Почему"? Но я тоже закурил и не произнес ни слова.

Вторая половина - мертвяки! - сказал тогда он, - От них тебе придется избавиться, но постепенно.

Вы хотите сказать, что они на кладбище? - не выдержал я.

Может быть кто-то из них уже и там... Может быть... Но не обязательно. Мертвяки - это мертвые души как у Гоголя...

А какой в этом смысл? - мне начинало казаться, что старик решил разыграть меня как новичка.

Как какой? Это плановый показатель! Мы живем в стране, где в отличие от стихийного западного развития все предусмотрено и учтено. Плановая система распространяется на все виды деятельности без исключений. Ты, к примеру, обязан выдать десять-пятнадцать палок в квартал, учти это.

"Кинуть палку" - это я хорошо знал, но выдавать? Ветеранская опытность Савватеича будто поправилась на пять санаторных кило и сыто посматривала на "зеленого доходягу", прибывшего на лечение.

Не о тех палках думаешь...

"Вот Пронин лысый", - подумал я и уставился на него в ожидании.

Палка - это уголовное дело. Понял? Ты должен вскрывать десять-пятнадцать преступлений в квартал. Это такая средняя норма. За это же время необходимо сделать одну вербовку и одного агента можешь отправить в архив.

Понятно. А мертвяки откуда?

Для плана. У каждого опера на связи должно быть пятнадцать-двадцать агентов. А где взять столько Штирлицов? Вот и вербуешь того, кто под рукой, - Савватеич передвинул в мою сторону темно-коричневую папку, - Посмотри! От этого избавишься в первую очередь. Лет восемь тому назад он пригодился в одном деле, а потом превратился в натуральный балласт. Является на встречу и спрашивает у меня: "Что нового"? Говорю ему: "Сын школу закончил. А у тебя новости для меня есть"? Сообщает радостно: "Теща в Ярославле померла". И в таком духе каждый раз. Но для галочки нужен!

Передавал агентов мне Савватеич прямо в служебном кабинете. Слово никогда не читал секретных приказов. Звонил агенту на дом и вызывал как обыкновенного свидетеля.

А как же конспирация? - спросил я, настроенный следовать всем указаниям руководства.

Савватеич посмотрел на меня с сожаленьем и только рукой махнул. Ничего не сказал.

Агентом "Отто" оказался мурлатый неунывающий парень чуть постарше меня.

Вы тут знакомьтесь, а я пойду - дела, - Савватеич подмигнул нам и ушел.

Слушай, Андрей, я вообще-то ментуру не люблю. Если хочешь со мной действительно познакомиться, то давай лучше уйдем отсюда.

Откровенный парень, однако... "Признание в любви" я пропустил мимо ушей.

И куда мы двинемся? - Конспиративной квартирой тогда я еще не успел обзавестись.

В кабак, конечно!

Я вспомнил об инструкциях, посмотрел в шальные глаза "Отто" и не сумел выстроить преграду между нами. К слову сказать, и позже я этому научиться не смог. Не смог видеть неодушевленный целевой объект как учили приказы в живом человеческом дыхании и меняющемся выражении лица. Люди с исковерканной судьбой приманивали меня и вызывали сочувствие.

Ты чего это с Данилевичем беседовал как с приятелем? Он же преступник! - выговаривал как-то Гриша, - А ты - офицер Советской милиции.

Не ощущал я себя офицером Советской милиции настолько, чтоб перестать замечать человеческое в преступнике...

Конечно, можно было забуриться в какой-нибудь укромный ресторанчик на окраине Риги, но мы вопреки всякой логике потащились в самое неподходящее место - в ресторан гостиницы "Латвия". Это все равно, что встать в витрину!

Знаешь, почему я ментов не люблю? - спросил "Отто", он же Юра в обычной жизни. Он задал этот вопрос не сразу. Нет. Сначала мы с ним прикончили одну бутылочку под разговор с перепадом тем и акцентов будто примеряли пиджачки под размерчик. И когда, наконец, примерка закончилась, а совпало это с заказом второй бутылки, тогда он и задал свой вопрос.

Работал я кладовщиком в аэропорту. На складе полно разного дерьма. Но кроме того, был там и спирт... Бочки со спиртом! Я, конечно, иногда заправлялся не отходя "от кассы". Это было! Но скажи - мог я, предположим, выдуть тысячу литров?

Я посмотрел на рюмку-крошечку, застрявшую в его руке и попытался представить их количество в пересчете на тонну. Не представил.

Есть в аэропорту ведомственная ментура. Ты знаешь... Лучшими моими друзьями были. Заходили запросто... Я с их начальником на - "ты" был. И каждый... чтоб мне провалиться на месте - каждый отмеривал себе спиртягу. Меня и не спрашивали. Татары спрашивали, когда дань собирали? Вот так и здесь! А кончилось тем, что нагрянула проверка "сверху" и понадобился стрелочник. Стрелочник - это, конечно, я. Начальничек позаботился, пришел ко мне в камеру, говорит: "Не будешь лишнего болтать на суде, получишь условный срок. Обещаю!" Я все на себя и повесил. А мне впаяли пятерочку! Так он, паскуда, после суда опять пришел: "Не получилось, извини! Но сидеть будешь в Латвии и со всеми привилегиями. Обещаю! А через полсрока выйдешь!" Так оно и случилось. Только им показалось, что спиртяга - цена небольшая за тюремные блага. Потребовали добавить... Вот так из Юрки получился "Отто". А потом пошло-поехало... Как вышел, так и пошел по рукам словно проститутка. То в одно место устроят, то в другое... Так и живу с ментами как со сволочной женой... И ненавижу, и разойтись не в силах...

И знаете, что самое интересное? Я поверил во все, что он рассказал сразу и без колебаний. В таком обществе жил...

Да, в таком обществе жил. А вот если теперь, по уму, спустя годы и годы после всех передрыг задать себе еще раз вопрос - а в каком таком обществе? Только с тоталитарным сознанием? Только напичканным КГБ? Только мечтающем забомбить империалистов? Только, только и исключительно?

Ненавистна мне лицемерная идеология коммунистов. Идеология для безголовых. Но разве этого достаточно, чтоб стряхивать с себя неудобные вопросы как дождевики с плаща? Куда прикажете припрятать факты? Найти работу не составляло никакого труда, каждый имел крышу над головой. Нищих, попрошаек и бомжей почти не было. Бандиты вооружались финками и кастетами, а не автоматами и пулеметами. Один-единственный выстрел где-нибудь в Свердловске поднимал на ноги всю милицию от Риги до Владивостока...

Куда от всего этого спрятаться? Может быть за необъятную фигуру Новодворской? Неудобные, прямо неприличные вопросы... Инстинкт самосохранения разделяет людей на две половины при всем кажущемся многообразии позиций. На две... Мужчина и женщина. Белые и цветные. Добро и зло. День и ночь. Одна сторона видит только, только и исключительно... И не способна на другой взгляд. Инстинкт самосохранения, который и уничтожит в конце концов все живое...

Не становись посредине! Будешь бит и слева, и справа. Страшно? С толпой проще? Но не будет мира и согласия, покуда не будет понят смысл центра, а вместе с ним смысл неудобных вопросов.

Однако, меня что-то слишком далеко отнесло от нашего треугольника... Базар, вокзал, милиция. Вокзал!

Вокзал в Риге один. Зал пригородных касс ближе к ночи становился своеобразной тусовкой людей, не вписывающихся в здоровый организм советской системы. Здесь бродили персонажи, неучтенные официальной статистикой. Спившиеся проститутки, алкоголики, воры всех мастей, гомосексуалисты и просто те, кому поднадоела размеренная жизнь. Продукт социальной системы? Несчастные, выброшенные за борт обществом? Такую лапшу сегодня можно было бы повесить разве что первокласснику... Любой из них, это тоже неудобный фактик, мог изменить свою жизнь. И для этого требовалось ни много, ни мало - одного желания. Существовала другая категория людей. Тех, кто сознательно отрезал все связи с государством насколько возможно. Кто не выдерживал лжи, двуличия, лицемерия. Но они шли не на вокзал. Они шли в кочегарки или ночными сторожами... Еще они шли на Красную площадь, когда идти туда было нельзя... В северные и уральские лагеря тоже шли и за честь считали... И было таких - единицы на много тысяч.

Больная совесть - это, знаете ли, дефицит на нашей планете. Не будем преувеличивать.

В Риге объявился совсем не смешной тип. По оперативным сводкам - рослый парень, среднего телосложения, лицо продолговатое. Каратист и похоже - не любитель. Но сдавалось, что и не профессионал. Сходились на том, что это спортсмен, резко набирающий мастерство в новом для себя виде и оттачивающий опасные приемы таким необычным способом.

Действия его были примитивны и как будто предсказуемы, но прошло уже две недели, а изловить его все не удавалось. Он выходил на свою тренировку чуть-ли не в одно и тоже время - как стемнеет. Подбирал спарринг-партнера и выходил на него в лоб. Прежде чем нанести свой коронный удар - пяткой в голову, он обязательно спрашивал прикурить. Ему требовалась статичная и невнимательная фигура. Профессионалу было бы интересней иметь дело с движущейся мишенью. Удар, однако, исполнялся безукоризненно. Семь человек с тяжелыми травмами практически через день доставлялись в городскую больницу.

Говорить сегодня о таком преступнике даже и неловко. Что он для нашего времени? А тогда каждое утро начиналось с ориентировки на его поимку и это касалось всех служб включая ГАИ и сотрудников отдела кадров. Каратист вышиб из головы все остальные мысли и засел там как террорист в банке (где деньги хранят).

Вот так, с этим придурком в башке, топал я в задумчивости через привокзальную площадь. А дело было как раз ввечеру и стемнело уже до той самой нормы... Желтоватый свет неуверенно пробивался через толстое стекло вокзала и, преломившись, растекался по мокрой площади, растворяясь в лужах.

Прикурить не найдется?

Ох, если бы голос этот шел со стороны... Как-нибудь сбоку, что-ли... Я бы, может быть, как-то по-другому себя повел...

Но голос прозвучал в моей черепной коробке. Внутри. Отчетливо и тревожно. И тут же в блестящую лужу свалилась длинная тень. Прямо передо мной. Мать честная! Он!

Я выбросил вперед левую руку, притопив челюсть и подстраховывая ее снизу правой. Ноги привычно запружили, готовые к маневру. Только после этого я взглянул на противника.

Он глядел с оторопелой бессмысленностью словно нарвался в безобиднейшем месте на сохранившийся немецко-фашистский снаряд. В следующую секунду он исчез. Как ему удалось все это проделать с такой скоростью я не сообразил. Но частенько позже пытался угадать его состояние... Попробуйте и Вы. Подходите с виду к вполне добропорядочному гражданину и мирно просите прикурить... А в ответ... Представляете?

На другой день каратиста поймали.

Больная совесть - это, знаете ли, дефицит на нашей планете. Не будем преувеличивать.

И, вообще, советскому милиционеру как представителю законной власти не пристало жить с "больной совестью". В здоровом теле - здоровый дух! Во-во! Так держать!

Вопросик тут возникает по ходу дела. Здорово ли тело и дух у этих...ну у тех, у кого сбился прицел и пропал интерес стрелять по противоположному полу.

Мальчишкой еще несмышленным довелось увидеть раз, как мужики в бане выявили одного такого. Они его не били как бьют мужика - кулаком в лицо, а пинали ногой по заднице как футболисты пинают мяч на тренировке. Народ вокруг веселился. Народ не любит упускать случай, чтоб развлечься.

Юмор я не оценил почему-то и смылся потихонечку... Подальше от затравленных глаз...

Что до меня, так я лет с четырнадцати возбуждался от одного девчоничьего вида. Да что там возбуждался! Вру, конечно! Загорался до дрожи, до пересыхания губ, до спазм! Все это вынудило меня отработать собственную систему, которую я использовал много лет, добиваясь самых неожиданных результатов. А поступал так. Как только в поле зрения попадал заманчивый объект и по телу начинали разбегаться мураши словно меня извозили в муравейнике, я направлялся к незнакомке, изобретая что-нибудь незаезженное и славненькое. Могу похвастать, что ни разу не применил штамповку, объединяющую народы всех стран мира - "Простите, мы где-то с Вами раньше встречались"? Мог начать как раз с обратного утверждения - "Простите! Мы с Вами никогда не встречались и похоже, что это создает дискомфорт в природе, нарушает естественный баланс и наносит тем самым непоправимый ущерб космической гармонии". Это не гарантия успеха, но залог того, что Вы можете принять поражение на достойных условиях. То есть вариант - "Катись, придурок!" получает в этом случае ничтожный шанс.

Так вот я направлялся к незнакомке в каждом случае. Даже тогда, когда он выглядел совершенно безнадежным. Даже тогда... В результате пришел к выводу, что не все так безнадежно, как может иной раз показаться на первый взгляд. Одним словом, я шел по стопам ученых, ставящих все опыты в подряд и отдающих себе отчет в том, что нельзя оставлять белых пятен.

Однополая же любовь не вызывала ни научного, ни познавательного интереса. Про это я скоро понял одно - мне до фонаря чужие любовные утехы. Кто кого любит

и каким способом - какое мне собственно до этого дело? Но вопросик - здорово ли тело и дух возникал порой исключительно в связи с конкретной деятельностью, без оскорбительного смысла, впрочем, а лишь по причине соответствия индивидуальных склонностей и общественной миссии. Вот пример. Гражданское право у нас в Университете преподавал заместитель декана Гулбис. Был он из голубой армии и об этом все знали. Ну из голубой, так из голубой. Нам то что за дело? Знай себе зубри гранит науки...

Перед экзаменами я поступал как все порядочные студенты - ставил литровый кофейник и за ночь прочитывал весь учебник от первой страницы до последней. Неплохая метода. Но нужно быть последовательным и хорошо понимать, что судорожно накиданная в череп информация долго не удержится. Как беспорядочно набросанные тюки на телеге... При первом движении зашевелиться, а при втором обороте колес начнут сыпаться... Так и здесь. Потому необходимо решительно оттеснить своих товарищей и заходить в аудиторию без остановки. Вот как шел, так и иди. Тут же подходить к столу, брать билет и через минуты открывать все шлюзы.

Перед экзаменом по гражданскому праву я сделал все как всегда, но в последний момент струхнул и возле самых дверей остановился. Вроде как воздуху в легкие набрать.

Однажды в бассейне отчаянные друзья мои устроили прыжки с десятиметровой вышки. Я бесстрашно сказал: "Пас" и пристроился зрителем на низенькую скамеечку из сосны-блондиночки. Один моторно забрался на верхотуру и... замер. Вроде как воздуху в легкие набрать... И все! Как говорят - приехали!

Со мной случилось тоже самое. Я топтался в коридоре и пропускал всех будто вежливый хозяин праздника запускал гостей в торжественную залу. В аудитории оказался последним.

Когда уселся напротив Гулбиса, мы уже были одни. Проямлил ответ на первый вопрос и приготовился к дополнительным и каверзным уточнениям, которыми так славился заместитель декана. Тишина. Еще выждал минуту. Тишина. Тогда я поднял голову и наши взгляды встретились. Его огромные карие глаза были похожи на две чашечки с горячим кофе. Настолько горячим, что я обжегся и как девственница опустил голову вниз.

Следующий вопрос, - произнес он тем же голосом, каким я предлагал девицам помочь расстегнуть бюстгальтер.

Он так и не задал мне ни одного дополнительного вопроса. Один еще раз повторил ту же фразу - "Следующий вопрос", с той же интонацией, взял мою зачетку и поставил оценку. Не знаю отчего, но я принимал зачетку обратно как проститутка принимает деньги и даже не заглянул в нее. Сколько дали, столько дали... Будь доволен.

В коридоре меня ожидала вся группа. После каждого экзамена мы ходили в ресторанчик гостиницы "Рига"...

Ну, что? Как? Сколько?

Я раскрыл зачетку.

Пятерка, - сказал растерянно. Пятерок Гулбис не ставил и заявлял по этому поводу: "На пятерку я предмет знаю, а Вы в лучшем случае способны знать на четвертку".

С тобой все ясно, - раздалось со всех сторон. Но меня это не могло задеть... Мое нежное отношение к женскому полу было общеизвестным и служило надежным средством для уничтожения сомнительных намеков.

Вот потому у меня всегда появлялся этот вопросик исключительно из любопытства - не мешают ли некоторые индивидуальные наклонности исполнению некоторых профессиональных обязанностей?

Адам Мачульский один раз прошел по длинным коридорам нашего Управления и всем все стало ясно. Если, извините, у мужика жопа точно срисована с картин Рубенса и такие же бедра, да если еще он при ходьбе виляет ими как последняя шлюха, то что еще можно добавить к портрету? Хотя нет, к портрету Адама еще можно было бы добавить девичий румянец на пухлявых щечках и елейный голосок. Теперь все. Это был еще тот опер!

Сначала ему дал по соплям цыган, торговавший кофточками на улице Суворова. Срежь бела дня! Адам попытался его задержать. Предъявил красенькую книжицу и пропищал: "Пройдемте"! Цыган посмотрел на него, не слепой, конечно, и понял, что будет лучше для всех, если этому лицу с неопределенной половой ориентацией врезать промеж глаз. Адам мягко опустился на предмет обожания своих тайных поклонников. Говорят, он встал не сразу, а довольно долго смотрел на цыгана обиженными глазами. "Как это меня, такого лапочку да так грубо"?

Но это так - милицейские будни. Прославился он не тогда. Подлинно знаменитым Адам сделался во время ведомственной проверки из Москвы.

Понаехало из столицы человек двадцать. Потрошили все - состояние дел на закрепленных объектах, рабочие дела агентов, делопроизводство, агентурные разработки.

Агентурная разработка - это совершенно секретный материал, досье, заведенное на основании агентурных сообщений на лицо, подозреваемое в совершении преступлений. Составляется план агентурно-розыскных мероприятий и в соответствии с ним проводится работа. Сюда включается внедрение агентуры в преступное сообщество, прослушивание телефонных переговоров, использование службы наружного наблюдения, документирование незаконной деятельности. Такая разработка может длиться много месяцев, а то и годы.

Мы, разумеется, побросали все другие дела и с утра до вечера просиживали в кабинетах, подправляя и подчищая, что возможно. Липовали безбожно. Видишь, например, что маловато сообщений от агента N, которого ты видел в последний раз год-два тому назад. Что делать? Берешь чистый лист бумаги и глаза в потолок. Важно, чтоб никто не перебил в этот момент полет мысли. Глядишь, через полчаса перед тобой серьезное сообщение. И взятки там, и хищения, что тянут запросто на "в особо крупных размерах".

Проверяющие двигались с той медлительностью, которая безудержно раскручивает нервозное нетерпение и доводит его до той точки, когда уже результат

перестает тебя волновать, ты уже согласен на любой исход, на оскорбительные внушения, на строгача, на все... лишь бы поскорей всему этому наступил конец.

Одним махом Адам ликвидировал нарастающее напряжение... Словно рванул отчаянно рубильник и отрубил наглухо освещение во всем здании. Это был нестандартный ход. Ни я, да и никто из нас никогда на подобное бы не решился, даже при условии, что такая идея пришла бы в голову. Но разве могла она прийти кому-нибудь из нас? В здоровое тело, которому соответствовал такой же здоровый дух? Ни-ког-да!!!

Сейф Адама оказался более чем на половину пуст... Отсутствовали рабочие дела агентов, докладные записки, справки. Исчезло агентурное дело!

Руководство отдела впало в депрессию, а проверяющая команда - в шок! Невозмутимым оставался Адам в единственном числе, поскольку все мы испытывали по крайней мере изумление.

Однако, проводить скрупулезное служебное расследование не понадобилось. Адам чистосердечно признался, что пожег все документы в котельной. Ему не поверили. В котельную отправились все московские инспектора и все сотрудники Управления, занимающие должности не ниже начальников отделений. Из топки были извлечены обугленные останки, немедленно отосланные на экспертизу криминалистам.

Адам ничего не скрывал и охотно пояснял свои действия. Год назад, попав под плановый срок заведения агентурного дела и не имея в перспективе ничего реального, он решил придумать красивую разработку, расписать ее, напичкать интригами, деталями, довести ее почти до момента реализации, а потом одним ударом прикончить, списав дело в архив по причине безвременной кончины главного фигуранта. Логика требовала сделать центральной фигурой этого занимательного дела того, у кого на ближайшее будущее не было многообразия вариантов. Говоря прямо - там и двух вариантов не должно было быть. Адама мог устраивать только верный и последовательный кандидат в покойники, который с точностью оправдал бы его надежды.

Нашел он ракового больного, оформил все бумаги, дело зарегистрировал и начал творить, не выходя из кабинета на манер Александра Грина за всю жизнь не покидавшего своего родного города. Но не подрассчитал... Фигурант помер через две недели. Фигурант помер, но дело его жило...

Сочинительство Адама примечательно было еще тем, что сообщения от агентов, которые он добросовестно производил на свет, поглядывая в задумчивости на потолок, оказались также сообщениями от покойников с Ивановского кладбища. Такой липы отдел еще не знал!

Конец этой истории тоже не совсем обычен. Адаму вклеили строгий выговор и оставили его на прежнем месте...

Видно были у него тайные поклонники где-то на самом верху... Не иначе!

Липовали безбожно. Видишь, например, что маловато сообщений от агента N, которого ты видел в последний раз год-два тому назад. Что делать? Берешь чистый лист бумаги и глаза в потолок. Важно, чтоб никто не перебил в этот момент полет мысли.

Да разве по злему умыслу? Или там от немерянной лени? Нет же! Все от глупости, признававшей только показушную отчетность. Хочешь быть таким как все - играй по установленным правилам. И ничему не удивляйся!

Сын полка - дело известное. А у нас была - "дочь отдела". Правда, она была в том возрасте, когда уже необходимо решать проблемы с климаксом, но, честное слово, это не важно... Это я упоминаю лишь затем, чтоб не нужно было напрягаться и представлять напрасно юное личико с комсомольской задоринкой. Личико у нее было давно не юным и не было в нем ни пионерских, ни комсомольских задоринок. Но оно не было и тусклым словно освещение в морге. Оно было будто окошечко навсегда задернутое розовыми занавесочками, из-за которых за Вами следили два круглых искусственных глаза, выполненных из эбонитового материала.

Держина Леонидовна никого не напоминала и сравнить ее не с кем. Она уникальна как Троя! Можно ли ее было причислять к когорте Великих агентов? Отвечу честно - не знаю. Все что с ней связано - все происходило вопреки любым установлениям и вопреки здравому смыслу. Но вот ведь происходило! Происходило постоянно и неизбежно!

Начать с того, что Держина Леонидовна была шизофреничкой и факт этот был засвидетельствован официальной медициной. Потому и вечный несмыаемый румянец и необычная шарообразность глаз... Но это так, мелочишка, не важная как климакс... Мало ли шизоидных типов крутятся возле нас ежедневно? Куда не ткнишь? Шизоидность запросто списывается на свойство характера...

Другое дело, что о секретном сотрудничестве Держины Леонидовны с органами МВД знал весь город. То есть та часть жителей Риги, кого вообще интересовала по жизни эта тема. Другими словами - расхитители государственного имущества. А поскольку не тырили, наверно, только из общественных туалетов и конструкторских бюро, то слава и известность Держины Леонидовны конкурировала со славой и известностью разве что Раймонда Паулса. Но... в определенных кругах. Не все почитатели Паулса знали Держину. Все кто были осчастливлены знакомством с Держиной слышали о Паулсе.

Держина Леонидовна заявлялась в отдел каждый Божий день как истый верующий в храм. Если кто-то подумал, что она для этого изобретательно маскировалась дабы соблюсти конспирацию, то отбросьте эту мысль как тут же уводящую в сторону от правды. Ни хрена она не маскировалась! И зачем? И от кого? Когда об этом...

У кого конкретно она состояла на связи вычислить было невозможно. Не было сотрудника, с которым бы она не проворачивала какую-нибудь грандиозную операцию. Исключительно грандиозную! До мелочевки Держина Леонидовна не позволяла себе опускаться.

Эта ее особенность, однажды, ей же и повредила. Задолго до того, как она стала "дочерью" нашего отдела, Держина Леонидовна содержалась в другом здании по другому адресу и у людей с отличными от наших целей. Там боролись со шпионами, диверсантами, антисоветчиками. Короче - с ЦРУ, СИС и Моссадом. Говорят, Держина Леонидовна была на уровне и ее карьера одно время катилась как сказочная карета, запряженная двенадцатью лошадками отборной породы. Ах, если бы жизнь хоть иногда превращалась в сказку!

На стол большому чину КГБ легло сообщение. Последний раз, по значимости, равноценная бумага лежала на этом столе в 1945 году. Ну не совсем равноценная... Эта все же несколько превосходила ту - военного времени.

Источник с тревогой за судьбу Родины сообщал о том, что в Рижский залив вошла... американская атомная подводная лодка и готовится нанести удар. В двух или трех местах на сообщении остались меточки, напоминающие следы от искренних, а потому едких слезинок.

Большой чин КГБ видно был чем-то сродни Держине Леонидовне. Что-то их сильно объединяло...

В боевую готовность был приведен Прибалтийский военный округ и еще десяток округов, расположенных по соседству (примерно, до Урала). Маршал Гречко лично беседовал с Держиной Леонидовной по спецсвязи, уточняя детали и обстоятельства добычи сверхсекретной информации.

Что дальше? А что дальше? Большой чин КГБ был отправлен досрочно на пенсию, а Держину Леонидовну упрятали в дурдом. Но поскольку было признано, что она в обычной жизни не представляет никакой общественной опасности, ее скоро выпустили. С этим не поспоришь - она представляла опасность исключительно для тех, кто желал с ее помощью заработать очередную звезду. По мнению врачей, в этом не было угрозы обществу. И, черт возьми, разве не так?

Можете верить - я и сам в некотором роде пострадавший. Соблазнила меня раз бесподобная Держина Леонидовна. Нет, не в том смысле...

Вынудила меня поверить (почти) в историю (точней не назвать), которая, оказавшись правдой, вполне могла бы повисить меня в звании. Не то, чтоб я слишком засуетился, но начал об этом деле подумывать и даже какие-то "стрелы рисовать". Ситуация постепенно подперла меня к тому, что нужно было перейти к конкретным действиям. Держина Леонидовна настаивала, а делать это она умела.

Я уговорила его прийти ко мне в гости и все обсудить. Такой случай! Вы, Андрей, спрячетесь на чердаке, это как раз над моей квартирой и запишите на магнитофон весь разговор. Тогда сами увидите, что он из себя представляет. Это настоящий мафиози!

Оперативная техника в ту пору, надо сказать, была примитивнейшей. В МВД - точно! Советский Союз не закупал на Западе специальных средств как Вы понимаете. Говорят в КГБ было с этим делом получше, но оно и понятно - их люди выжжали за рубеж и уж сами себя могли как-то обеспечить.

А у нас... Что и говорить? Разница примерно такая же как использование плуга в то время, когда все пересели на комбайн. В Министерстве сидел парень, изобретатель-самоучка и придумывал разные хитрые штуковины. Не гений, но все же...

Я пришел к Держине Леонидовне за два часа до начала операции. Массивный портфель распирало от напичканной техники, делаю его похожим на живот беременной женщины. Впрочем, наш суперагент в инструкциях не нуждалась. Всю эту технику она знала досконально, и я мог прийти и попозже, без такого запаса времени. Однако, я чувствовал себя поспокойней, если удавалось уточнить детали лишний раз.

Вот этот рычажок переведете в левое положение и порядок, - выложил я на стол микрофон размером с пачку сигарет.

Знаю, знаю! Не впервой...

Только, Держина Леонидовна, не перепутайте!

Ну, что Вы, Андрей!

Приспособление работало от батареек и потому требовало экономного использования.

И, Держина Леонидовна, мне не нужны разговоры о погоде. Включайтесь только в тех случаях, когда речь пойдет о его незаконных делишках.

Конечно, конечно! Да, Вы не волнуйтесь! Все будет в порядке.

Мы поднялись на этаж выше. Там уже квартир не было. Держина Леонидовна отперла тяжелую дверь в чердачное помещение.

Здесь не очень уютно... И голуби... Но, надеюсь, что Вам долго не придется переносить эти запахи...

Я брезгливо поморщился.

Надеюсь...

Андрей! Мне придется запереть дверь. Мало ли...

Да, уж запирайте! Куда деваться... Только, ради Бога, ничего не напутайте!

Держина Леонидовна удрученно посмотрела на меня и молча прихлопнула дверь. Голубиное племя, казалось, не оставило мне ни одного непомятого ими местечка. Пришлось расстелить газеты... Не стоять же. Я разложил технику, приготовил магнитофон и застыл в ожидании.

Слышимость была превосходной. Но для чего Держина Леонидовна включилась? Шел самый обычный разговор, который начинается сразу по приходу гостя и не несет никакой информации. Возможно, она решила предупредить меня? Чтоб я начеку был? Отлично, Держина! Я начеку - можешь пока отключаться. Но отключаться она как раз и не собиралась. Пару часов шел бестолковый треп. Тот треп, содержание которого передать невозможно из-за несвязности отдельных частей. Словно сидишь в вокзальном зале ожидания и слышишь отрывочные фразы из разных разговоров. Эта очевидная нелепица забивалась в голову как мусор в пылесос. "Что ж ты творишь, псина?" - выходил я из себя.

И что, я на этом тоже могла бы заработать?

Мать родная! Наконец-то! Я вострепнулся и включил магнитофон. Сейчас, сейчас! И в тоже мгновенье Держина Леонидовна отключилась.

Что ты делаешь, сука!?

Я забежал по чердаку, взбудоражив голубиную стаю. Птицы шарахались из угла в угол, и я вместе с ними.

Сука! Сука! Сука!

Все остальные слова богатого русского языка я забыл. Только это - сука. Заточение мое продлилось до утра. И все это время Держина Леонидовна исправно включалась и отключалась, но с точностью до наоборот.

Чувства мои притупились, голод отступил и постепенно я впал в состояние полнейшего равнодушия. "А где-то есть Багамские острова, пальмы, солнце, океан и люди в белых одеждах", - несвоевременно представилось мне.

Голуби за ночь привыкли к неподвижной фигуре и презрительно раскладывали помет прямо возле моих ног. Можно было быть благодарным, что не на прическу...

Ну, как? Теперь Вы поняли, что это за фрукт? - Держина Леонидовна победоносно оглядывала мою поникшую физиономию.

Вы, наверно, немного устали? Пойдемте, попьем кофе.

Благодарю, Держина Леонидовна.

Я зашел, выпил кофе и почувствовал слабый прилив сил. Она тараторила без умолку. "Может придушить тебя"?

Спасибо, Держина Леонидовна! Пойду я, пожалуй.

Ну, Вы довольны? Здорово вышло, правда?

Доволен. Вполне...

Держина... До меня не сразу дошло очевидное - Дзержинский! Так вот отчего она была так беспощадна к преступному миру. Ну не дал ей Бог такого же таланта (если он был?) как Феликсу. Разве за это людей душат? Нет, разумеется...

Хочешь быть таким как все - играй по установленным правилам. И ничему не удивляйся. По крайней мере - не показывай виду.

Никогда не лезь "уперед батьки в пэкло". Это правило вводилось новичку в первую очередь как необходимая сыворотка против всех болезней. Каждое свое телодвижение требовалось предусмотреть письменно, получить резолюцию начальства, подшить бумажечку в дело и положить на хранение в сейф. Тем не менее секретная информация утекала на волю, заставляя сравнивать железный ящик с прогнившей бочкой.

Заведенный порядок как будто для того и придуман был, чтоб позаботиться о правах советского гражданина. Но такое наивное представление выветривалось с той же быстротой, с какой выветривается запах сигареты на сквозняке.

Система создавала гарантию безопасности для неприкасаемых. Впрочем, я как-то и не замечал, чтоб кто-то был настолько туп и ставил перед собой цель навесить фингал на номенклатурной физиономии. Так что система играла больше роль громоотвода. На всякий случай.

Неудобные имена упоминались в сообщениях агентуры. Им то что за дело до тревог нашего начальства? Проходили неудобные имена в распечатках от прослушивания телефонных разговоров. Прослушивали, разумеется, совсем других людей и не рассчитывали на подобный улов. Это всегда была неприятная неожиданность как у рыбаков, обнаруживающих в сетях рогатую мину времен последней войны.

Мы и поступали соответственно - как саперы. Вымарывали любое упоминание, любой намек на высокопоставленных лиц. Директор какого-нибудь предприятия уже становился проблематичной фигурой и без недвусмысленного одобрения верхов приступать к его разработке было не только неразумно, но и чревато последствиями. Особую категорию составляли коммунисты. Независимо от служебного положения.

Я получил выволочку за то, что прихватил обыкновенного сапожника-левака. Кабинет прокурора города превратился в морозильную камеру, когда я туда заявился.

Два коммуниста-сапожника на весь город и тебе нужно было замарать именно одного из них? Что других мало? Обязательно позорить коммунистов?

"Сейчас пришьет мне антисоветщину" - подумал я. До этого не дошло, а дело я свернул.

И все-таки раз я рискнул и сунулся в одно заведение через голову шефа, даже не предполагая, что это сможет вызвать такие неожиданные последствия. Если честно, то никакой задней мысли у меня не было.

А вышло все по какому-то стандартному перечню случайных совпадений. Началось с того, что любая плановая проверка на этом объекте заканчивалась с подозрительно одинаковым нулевым счетом. Словно, в заказном матче. Что-то не так, что-то не вязалось и заставляло меня думать о продажности судей. Кроме того, эта пустышка шла в полное противоречие с моей информацией. Невольно я начал примерять судейские трусы на своих коллег. Да что толку? Эдак фантазировать можно до бесконечности... Мне было легче представить того, на кого они не влезали. На Валдиса. Точно, на Валдиса! На него вообще ничего натянуть было невозможно.

Вечерком, накануне, я шепнул ему пару слов, и он молча, глазами показал, что все понял. А наутро мы ринулись в атаку и в первом же тайме заколотили победные голы. Да что там? Игра просто шла в одни ворота! Противник был ошарашен внезапностью...

Минут двадцать Гриша крепился и только лицо его заметно темнело по мере моего доклада. Темнело, однако, так откровенно, что я взглянул через окно на небо и подумал о зонте. Еще я подумал о продажных судьях и вспомнил нехстати название фильма "Матч состоится в любую погоду". Еще я успел пожалеть о содеянном... Мне меньше всего хотелось досадить Грише.

Склад мы опечатали... - закончил я, не испытывая больше никакой радости по поводу красиво забитых голов.

И Гришу понесло... Оказалось, у него неплохая память. В течении десяти минут он припомнил все флотские выражения, хотя давным-давно сошел на берег. Я не возражал. Прикидывал вариант на будущее и, вдруг, ощутил облегчение. Даже не сразу сообразил, что это именно облегчение.

Какой из меня мент? Этот вопрос с некоторых пор шевелился напористым птенцом, пробуящим на крепость неподатливую еще скорлупу. Вокруг меня жили обычные люди, занимаясь обычными делами и настораживающиеся при знакомстве со мной. Среди них и мои друзья. Я приходил в треугольник и треугольник отторгал меня. Разговоры сбивались. В моем присутствии надо было выбирать тему, помня о том, что есть и те, которые мне доверить нельзя. Но не в этом дело. Мне нравились все эти люди и нравились гораздо больше моих коллег. Оказалось, что я не в

состоянии превратиться в мента. В памяти возник Олег Архангельский: " ОБХСС - это тебе не уголовный розыск! Это элитное подразделение". Я усмехнулся. И Гриша замолк. Представляю, что он подумал. Какое-то время он совершенно не контролировал себя, и его неудовольствие перестало выглядеть просто неудовольствием. Оно было равносильно признанию, после которого не было нужды вычислять судью, сводившего все матчи к красноречивым нулям. Гриша так и воспринял мою улыбку.

Ладно, иди.

Я позвонил Сашке.

Хочу уйти из ментовки.

Куда?

А куда угодно!

Он и верил, и не верил мне. Но когда верил, то в интонации можно было уловить нечто похожее на надежду.

На следующий день утренняя летучка не состоялась. Гриши не было. А часиков в одиннадцать нас пригласил зам.

Григорий Петрович перешел на работу в информационный центр Министерства. Годы идут, скоро на пенсию, а там у него полковничья должность. Сами понимаете.

Все, конечно, поняли. Но я понял чуть больше остальных. Правда, на такой исход не надеялся...

"А может все-же подать рапорт? Что резину тянуть? Не мент я!" Не подал, однако. Видно, не доставало еще какой-то малости. Да оно и всегда проще - по течению плыть... Не так ли?

В памяти возник Олег Архангельский: " ОБХСС - это тебе не уголовный розыск! Это элитное подразделение".

У меня возникло желание посидеть с Олежкой за рюмкой коньяка. Разыскать Олега - тоже самое, что нащупать собственный бумажник в кармане. С утра до вечера он просиживал в уютном кафе в Старой Риге, изредка появляясь в Управлении. Полгода назад его переманили в отделение по борьбе с незаконными валютными операциями. В таком портовом городе как Рига доллар чувствовал себя довольно свободно, также как иностранные моряки, фланирующие в центре и обожающие наши в западном стиле кабачки. Отряды фарцовщиков пополнялись кажется активней, чем районные комсомольские организации. Впрочем, никто не мешал совмещать эти два интереса. Как никто не препятствовал грудастым комсомолкам зарабатывать валюту в ночных барах.

Вот среди всей этой публики и ошивался Архангельский последние полгода, устроив себе резиденцию в кафеине. Но об этой кафеине стоит рассказать побольше, так как она постепенно превратилось в подобие клуба для сотрудников нашего отдела.

А началось все с обыска и ареста известного в Риге мошенника. Жена его бывшая, Регина, тогда, во время обыска (разведенные они проживали в одной квартире) с порога стала нам помогать. Бойтесь, мужики, брошенных жен!

Подсказала, где что лежит; подбросила парочку ядреных фактиков, сопровождая все свои действия игривой, почти флиртующей улыбкой. Бывший муж, насупившись, сидел неподвижно на стуле, пытаясь отрешиться от происходившего кошмара и немного смахивал в тот момент на йога. А, возможно, он рисовал картины будущего, возможно даже очень отдаленного будущего. Вот он обхватил напряженными пальцами гусиную шею подлой своей супруги; вот он, наконец, сомкнул их в смертельное колечко; вот он уложил уже ее в глубокую ванну и засыпает ядовитым порошком. Еще несколько мгновений и вода, взрыхляя поверхность, забурлила...

Потом начались допросы, очные ставки, беготня в поисках дополнительных свидетельских показаний. Регина почти ежедневно бывала в нашей конторе и продолжала играть заметную роль в судьбе своего бывшего мужа. И, обычное дело, завязались дружеские отношения. То обстоятельство, что Регина оказалась заведующей кафе в Старой Риге, в пяти минутах от нас стало решающим и превратило дружеские отношения в особо доверительные.

Если требовалось, скажем, посидеть с кем-то под выпивку, но без лишних глаз шли в подсобное помещение, а Регина лично обслуживала. Чтоб и персонал кафе не прислушивался к пьяной болтовне оперов, от трезвой прихоти которых зависело и ее, Регины, благополучие. Она была смышленной дамочкой и нас всех это устраивало.

Каким-то образом возникло правило, что в этом кафе можно поддавать в рабочее время и не опасаться разгрома от начальства. В отделе было два заместителя. И тот, и другой иногда забегали сюда же, не рассиживаясь, по-деловому, в пятнадцать минут справляясь со своим делом, часто не отходя от стойки бара. В таких случаях мы отворачивали морды в сторону... Бывало, что случайно взгляды пересекались, но скользили с полным равнодушием дальше, придавая положению некий легальный статус. Оба зама оценивали сотрудников по конкретным результатам. Потому и не придавали значения той расслабухе, какую позволяли себе подчиненные. Да и понимали, что все мы живем перевернутой вверх дном жизнью и делаем ненормальную работу, когда необходимо сохранять порядочность в одной упаковке с цинизмом, знать правду о нашем обществе и делать вид, что оно справедливо.

Все это сказывалось, конечно, на людях. Ломались многие... А те, кто будто оставались невозмутимыми внушали подозрение, что способны на любой непредсказуемый поступок. В действительности так оно и было.

Олег сидел в зале за нашим обычным столиком, в углу (со стола никогда не убиралась табличка - Спецобслуживание). Перед ним стоял графинчик с коньяком, на блюде, вызывая слюноотделение, лежали похожие на аккуратно срезанные ромашки лимонные дольки.

Он молча разлил коньяк, и мы также молча выпили. Лицо Олега было похоже на отвратительную физиономию мима.

Случилось, что-то? - осторожно поинтересовался я.

Да вся жизнь - один большой и дурацкий случай!

Эта мысль была мне близка. Близок мне был и Олег. Вариант был один - упиться! В который раз, в ту ночь, я пытался открыть дверь квартиры ключом от сейфа...

Ломались многие... А те, кто будто оставались невозмутимыми внушали подозрение, что способны на любой непредсказуемый поступок.

Об этом я думал на следующее утро, стиснутый плотно угрюмыми непроставшимися пассажирами автобуса. Олег мне не понравился вчера. Никогда раньше не замечал в нем столько злобы. Он любил подтрунивать и умел это делать, умел с юморком относиться к жизни, причем с каким-то очень симпатичным юморком балансирующем все время на грани безвкусицы, но грань эту не переступающую. Но вчера... Вчера он большей частью матерился, не утруждаясь выдумкой и без какой-то видимой связи. Верный признак крупной неприятности, о которой ни с кем говорить не хочется. Я так и расценил. А утром в автобусе стал догадываться, что все это как-то переплетено с его новыми обязанностями. Олег не дал мне вчера заплатить по счету ни разу. Демонстративно ковырялся в портмоне, мусоля толстую пачку денег. На вскидку можно было предположить, что там собралась сумма равная нашему полугодичному жалованью. Пару раз прикрикнул на Регину, когда она попыталась вернуть сдачу никак не смахивающую на деньги, оставляемые на чай.

Мы разбрелись в разные стороны на какой-то улочке в Старой Риге, когда уже была ночь и луна бросала на нас рассеянный свет, тут же растворяющийся в средневековой мгле среди средневековых домов как ложка растворимого кофе в стакане.

Я в жопе! Я в глубокой жопе! - по-моему именно так сказал Олег на прощанье.

Нет. Не понравился мне вчера он. Совсем не понравился. И сам себе я тоже не нравился. Не нравился я, кажется, и солидной даме в черной шляпе, к которой меня прижала неумышленно, по случаю, бестолковая толпа. Прижала прямо к ее мощной груди словно на что-то неприлично намекая. У дамы вероятно был очень чувствительный нос... Он подрагивал как парус на ветру каждый раз, когда я не сдерживался и из меня бесстыдно выхлопывался вчерашний перегар.

Начальство ломало голову и подыскивало нам нового шефа. Ежеутренние оперативные совещания не проводились и вообще на какое-то время мы остались без присмотра. Казачья вольница, Гуляй-Поле...

Поэтому я сидел за столом и пытал свою совесть. То ли открыть сейф, загнать недомогание в угол как неопытного боксера и нокаутировать там же; то ли задать Янке сакраментальный вопрос: "А не похмелиться ли нам"? Ничего проще! Вон, Янка напротив, подозрительно часто посматривает на потолок в полной задумчивости будто сочиняет стихи. Ладно, пусть сочиняет, момент ответственный...

Способны ли Вы пытать свою совесть с такой же жестокостью, с какой фашисты пытали партизан? Я не способен. Лучше всего у меня получается - разговор по душам. Мы с ней (с совестью) всегда пробуем переубедить друг друга, но почему-то я постоянно оказываюсь красноречивей, а мои аргументы весомей. И в этот раз наша дискуссия приближалась к обычному завершению, когда заглянул Олег. Видок у него был примерно такой же как у меня, что конечно вписывалось в логичный ход событий.

Сильно занят? - спросил он у меня, не обращая внимания на Янку.

Нет! - я уже не сомневался в том, с кем мне предстоит похмеляться.

Олег подошел ко мне вплотную.

Составь компанию. Надо смотаться в Юрмалу и доставить сюда одного деятеля, а он по слухам очень беспокойный. Подстрахуешь?

Это как в анекдоте: "Обманул контролера - купил билет и не поехал". Но что делать? Можно наплевать на собственные дела, но отказать в помощи коллеге - это последнее свинство.

Конечно, подстрахую! - ответил я с трудно уловимым разочарованием.

Однако, Олег уловил.

По дороге подлечимся, не волнуйся!

Мы сели в оперативный жигуленок, и наш водитель Антон не забыл как всегда с ненавистью напомнить: "Не хлопайте дверцами"! Он был спокойным малым во всем, что не касалось момента захлопывания дверей в жигулях. Каждый нерасчетливый удар дверью приводил его в бешенство, а происходило это с опасной для его здоровья частотой. Когда-нибудь, думал я, все это закончится тем, что он расшибет кому-нибудь череп монтировкой и захлопывал дверцу с осторожностью, осознавая, что это может спасти мне однажды жизнь.

Стояла мокрая ненастная балтийская осень. Но в Юрмале было красиво. Есть такие места, которые всегда привлекательны. Как люди, которые не стареют независимо от возраста и кажется умирают молодыми.

Тормозни здесь, Антон! - приказал Олег, когда мы поравнялись с неприметным кафе, окруженном печальными соснами.

Подожди! Мы скоро! - Олег приструнивал нахрапистого шофера.

Водила обидчиво молчал, но команду выполнил беспрекословно. Вообще-то он привык к другому обращению и тому способствовал его крутой нрав, никто не решался его одергивать, хоть он и был обыкновенным шофером. В таких случаях, когда по пути забегали выпить кофейку, Антона всегда приглашали с собой.

Ничего! Пусть знает свое место, - шепнул мне Олег уже на улице и улыбнулся.

В кафе было пусто. Из-за стойки бара на нас с надеждой смотрела накрашенная девица.

По сто? - предложил я.

Нет, по двести. Я угощаю!

Олег! Сегодня моя очередь.

Успокойся, Андрей. Этот день мой. Потом поймешь... Так что - не путай колоду.

У тебя что? День рождения?

День смерти. А это позначительней, чем день рождения. Торжественней! - и рассмеялся.

Ну, тогда - другое дело! - рассмеялся и я.

Выпили по половинке, игнорируя культуру питья и заели крохотными канапе.

Мы покурим, - Олег не спрашивал барменшу, а ставил в известность.

Курите.

Ты Новельскую помнишь?

А как же? Конечно.

Я из-за нее в девятом классе ненавидел тебя.

Серьезно? А я и не знал.

На одном вечере еле сдержался, чтоб не наброситься на тебя. Остановило лишь то, что ты боксер и все равно набил бы мне морду. Из-за этого бессилия я возненавидел тебя еще больше.

Ну и дела! - искренне подивился я.

А когда она тебя бортанула, я был самым счастливым человеком.

Да, ладно, брось ты! Чего вспоминать... Детство все это. Ты не встречал ее, кстати, в последнее время?

Нет.

А я встречал. В тетку из очереди за яйцами она превратилась. От бывшего - ничего! Так-то.

Иногда, мне кажется, что я люблю ее до сих пор, - хриповато произнес Олег и глаза его заблестели, - А ты говоришь - детство...

Я недоуменно посмотрел на Олега. Столько лет прошло... Он что - шутит? Нет, не похоже. Видно, и впрямь Новельская будоражила его необыкновенно...

Поехали, - решительно сказал Олег, допивая весь остаток коньяка.

Поехали! - последовал я его примеру.

Антон не смотрел в нашу сторону.

Куда? - спросил зло.

"Юрас Перле".

"Юрас Перле" в то время был самым престижным рестораном на всем побережье.

Я что, по кабакам Вас сегодня возить буду? - взбунтовался водила.

Ты делай, что тебе говорят и помалкивай! Там наш клиент работает. Ясно?

Антон примолк и нервно газанул.

- Заруливай на эту стоянку! - командовал Олег.

Стоянка почти примыкала к пустынному пляжу с потемневшим песком. Антон выключил зажигание и до нас донесся тревожный шум прибоя.

Вы посидите немного, а я пройду. До воды и обратно. Тогда и пойдем этого охломона брать.

Пройдись, - сказал я. Мне честно говоря и выходить-то не хотелось. Порывы ветра дергали машину.

Олег вышел и его плащ сразу затрепетал как флаг на древке.

Не обиделся? - заглянул он в салон.

За что? - не понял я.

Ну, за мое признание.

Да, ты чего, сбрендил?

Не бери в голову! Шучу! - и он сильно хлопнул дверцей.

Вот, сволочь! - выкрикнул Антон. Он был в ярости. Я бы не удивился, если б он выскочил с монтировкой теперь.

Олег шел медленно, оставляя отчетливые следы на отсыревшем песке. Его одинокая фигура нарушала гармонию природы, не вписывалась в ее ритм и матовую однотонность моря и неба, соединив их в одно целое, в котором не было привычной линии горизонта. И в этой цельности он был лишним.

Потом он остановился и развернулся в нашу сторону. Расстояние не позволяло уже различать выражения глаз, но движение его руки мы оба заметили. Она скользнула под мышку.

Бля! - прошептал Антон.

Я оцепенело вглядывался в силуэт, надеясь на обман зрения. А Олег уже приставил пистолет к груди в области сердца. Мы оказались в роли беспомощных наблюдателей.

Звук выстрела почти не был слышен, и в ту же секунду Олег опрокинулся на спину, выронив оружие.

Стояла мокрая ненастная балтийская осень. Но в Юрмале было красиво. Есть такие места, которые всегда привлекательны. Как люди, которые не стареют независимо от возраста и кажется умирают молодыми.

Олег умер молодым. Как и положено - провели служебное расследование. Меня допрашивали ежедневно и с таким пристрастием словно подозревали в убийстве коллеги. Конечно, на самом деле никто и не подозревал, но есть люди, чье искусственное рвение (не от ума) может создавать ложное впечатление. Почему-то там, где присваивают звания и назначают на должности, людей этой породы неизмеримо больше, чем, скажем, на заводе.

У меня не то, чтоб установилось плохое настроение, а просто исчезло само понятие о настроении. Гори все синим пламенем...

Последние полгода я жил один, если не считать случайных девиц, объявляющихся в моей квартирке кстати и не кстати. Я путал их имена, груди и смазливые мордашки.

Благополучная семейная жизнь для мента также невообразима как жена для монастырского затворника. У того от святости, у мента - от отсутствия всего святого. Потому никогда впоследствии мне не приходило в голову искать причины развода в характере или привычках моей бывшей жены. Это удел сопливых, ошибочно полагающих, что они обладают мужскими признаками. Честность, конечно, ничего не стоит... Как огрызок яблока на тротуаре. И тот, кто решается на нее должен осознавать последствия и быть готовым к тому, что к нему будут и относиться также

как к огрызку яблока на тротуаре - то есть пинать, отбрасывать в сторону и втаптывать в грязь. Штука в том, что мне на это наплевать.

Я снимал однокомнатную квартирку, ходил на работу, менял девчонок и все чаще забегал в винно-водочный магазин.

Самое главное - это не переставать задавать самому себе вопросы. Пока ты способен на это, у тебя есть шанс жить дальше. За единственным исключением - если на вопрос о смысле жизни ты нашел однозначно отрицательный ответ. Пару раз, не скрою, я приближался к такому выводу. Мешала другая мысль - нет смысла в той жизни, которую ты ведешь. Но кто знает - может он появится, если изменить жизнь? Что было бы, если б Олег вместо того, чтоб принять предложение о новой должности, подал рапорт об увольнении и ушел в нормальный мир, в естественную человеческую среду? Наверно, он почувствовал бы себя как ненароком пойманная рыбка, отпущенная на волю, в живую воду.

Честность, конечно, ничего не стоит... Как огрызок яблока на тротуаре. Но, клянусь, несмотря ни на что эта валюта имела цену в треугольнике. Несмотря ни на что...

Присаживайся, Андрей! Давай сюда! Бери пиво! - три бутылки одновременно с разных сторон повисли в воздухе как фигурки парашютистов в зеленых комбинезонах.

Ребята потеснились, и я уселся примерно на то место, где когда-то сидел Коля-бульдозер, а потом, позже Женя Воскобойник читал стихи Евтушенко.

Ну как? Работу нашел? А то давай к нам!

И у нас места есть!

У нас тоже!

В том, Бермудском треугольнике как известно гибнут суда, исчезают навсегда самолеты и бесследно пропадают люди. В моем треугольнике бывало всяко. Бывало, что и люди пропадали. Но если в Бермудском никогда и ничего не находили, то здесь вечно случались приобретения. Часто это были приобретения такого свойства, что о них можно было догадаться лишь спустя время. Иногда, через годы... А иногда как мне стало ясно только теперь - через десятилетия...

Могу выразиться и поточней - через четверть века.

Теперь я живу далеко от своего тругольника и смог бы не сильно морща лоб рассказать о причинах, вынудивших меня перебраться в другой город, в другую страну.

Нужно было родиться латышом. А я, как на грех, родился финном. Можно стать евреем, если всей душой примешь заповеди Моисея; можно стать русским, если не разоблачит Макашов; можно стать американцем. Стать латышом - это за пределами возможного!

И все-таки что-то подсказывает мне, что это всего лишь убедительная очевидность, а причина и не одна где-то в другом месте. Странные, однако, дела... Живешь себе, живешь, как-будто набираешься уму-разуму, меняешь жен, любовниц, квартиры, машины, перчатки, страны. Думаешь, что приближаешься к каким-то истинам, а на поверку выходит - теряешь то небольшое, что имел. И остается лишь

растерянно задавать себе вопросы по привычке... Вечные и неистребимые - отчего так и почему? Отчего ненавидят, к примеру?

Обстоятельства? Обстоятельства. Три года я отбарабанил опером в ОБХСС. Пришел туда человеком с рюкзачком за плечами, в котором можно еще было нащупать нежные мечты, мягкие, как детские игрушки, иллюзии и веру в справедливость. Ушел как Акакий Акакиевич, с которого сняли последнюю шинель. Так было нужно судьбе?

Ну чего улыбаешься? Устроился на работу?

Да, я улыбался и ничего не отвечал. Мой ответ вызвал бы недоумение, пришлось бы трудно объяснять. Потом, не сейчас...

Я попивал пиво, вокруг были мои друзья, а мысль об эмиграции тогда не могла быть даже зачатой. Не было тех двоих, кто мог бы это сделать. И все это происходило в самом центре треугольника. И еще. Я действительно нашел работу и в первый раз в жизни это был МОЙ выбор.

Я ушел в сторожа.